

«СЛОЖНАЯ ИСТОРИЯ О ВОЙНЕ, ПОЛИТИКЕ И ЖАЖДЕ ВЛАСТИ».

Guardian

МЫ ОСЕДЛАЕМ БУРЮ

ДЕВИН МЭДСОН

fanzon

Fanzon. Наш выбор

Девин Мэдсон

Мы оседлаем бурю

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Мэдсон Д.

Мы оседлаем бурю / Д. Мэдсон — «Эксмо», 2018 — (Fanzon.
Наш выбор)

ISBN 978-5-04-157441-3

Война построила Кисианскую империю. Война ее и разрушит. Спустя 17 лет после восстания Кисианскую империю объединяет лишь твердая рука Бога-Императора. Но измена разрывает шаткий союз с Чилтеем, и все, что было выиграно, рушится. Принцесса Мико мечтает заявить права на трон, но путь к власти может навсегда разделить ее семью. В Чилтее Кассандру Мариус преследуют голоса мертвых. Отчаяние толкает ее на сделку, что обещает лекарство. На границе между народами капитан Рах э'Торин и его воины-изгнанники вынуждены сражаться в чужой войне. Когда империя умирает, восстают три воина. Им придется оседлать бурю или утонуть в пролитой крови.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-157441-3

© Мэдсон Д., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	45
Глава 6	52
Глава 7	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Девин Мэдсон

Мы оседлаем бурю

Devin Madson
We Ride The Storm

Copyright © 2018 by Devin Madson

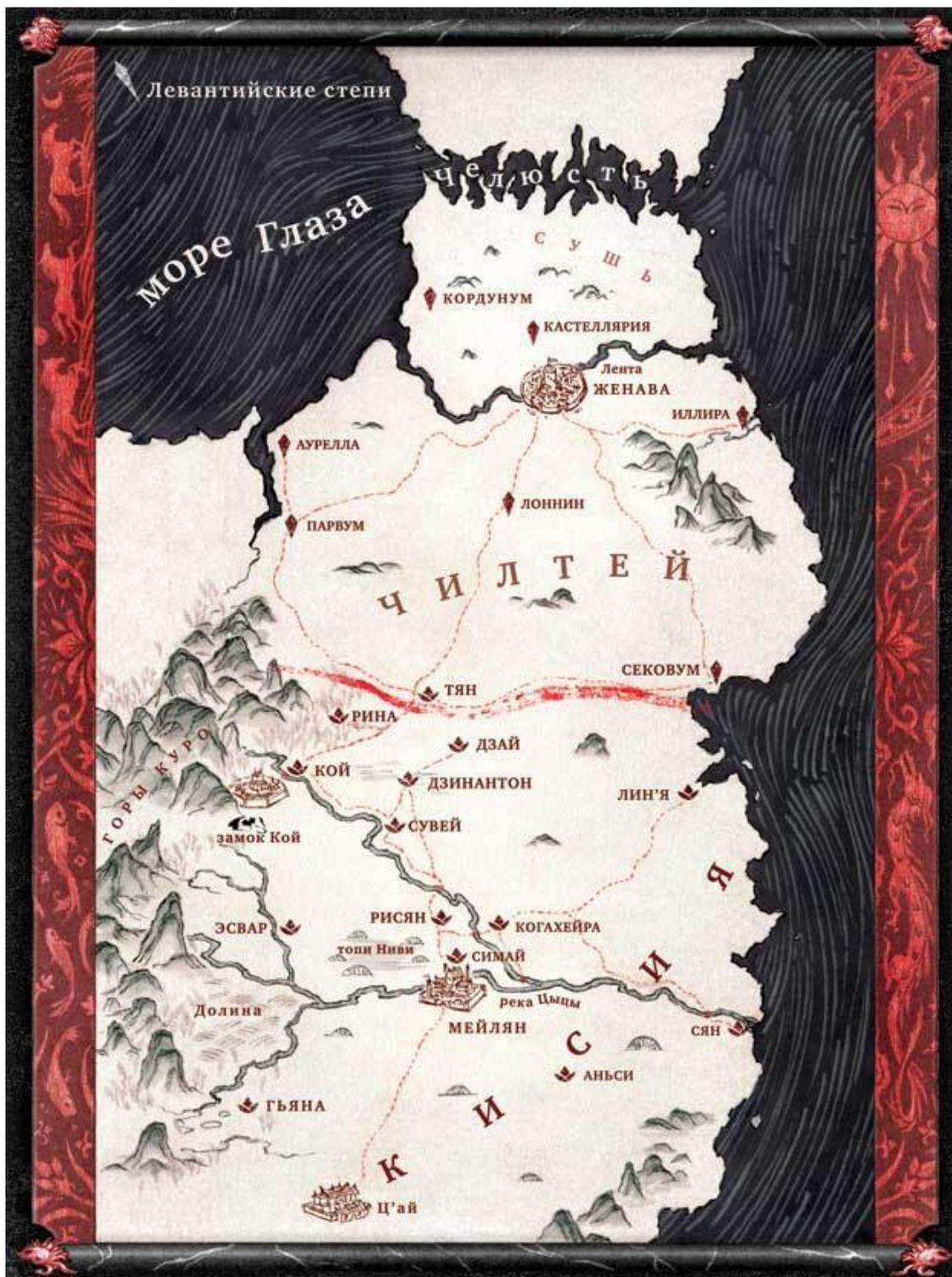
Map illustration © Charis Loke

© Н. Рокачевская, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Моему малышу, чья неустанная энергия и любовь приносят
бесконечную радость, а долгий дневной сон позволил мне написать эту
книгу*

Глава 1

Мико

Еще до того как я научилась ходить, меня пытались убить четыре раза. И семь раз до того возраста, с которого у меня появились первые воспоминания об окружающем мире. С тех пор я постоянно жила в страхе, но гораздо сильнее в мою душу врезались острые шипы злости.

Я не делала ничего плохого, просто жила. С неправильным лицом и неправильными глазами, неправильными предками и неправильным именем. Я всего лишь была принцессой Мико Ц'ай. Но этого оказалось достаточно. Не проходило и дня, чтобы я не гадала – а вдруг именно сегодня убийцы добьются успеха.

Каждую ночь я спала с кинжалом под подушкой, который утром прятала в замысловатые складки своего пояса-оби, чтобы постоянно его чувствовать. И мечтала. Впервые в жизни я приблизилась к мечтам настолько, что почти могла их ухватить. Мы ехали на север вместе с императорским двором. Император Кин собирался объявить имя своего наследника.

Как обычно в путешествиях, я вставала, пока весь постоянный двор еще спал, только императорская гвардия несла дозор. Во дворце гвардейцы обычно торчали в дверных проемах, но здесь императора не защищали толстые стены, и охранники болтались повсюду. И в главном доме, и во дворе, перед конюшней, на кухне и в комнатах для прислуги. Когда я шла к купальне, по-прежнему ощущая тяжелый кинжал в складках халата, двое молча опустили головы в знак почтения.

Почти всю крохотную купальню занимала глубокая каменная ванна, укрыться можно было только за несколькими лакированными ширмами. Я медленно обошла их по кругу сквозь пар, чтобы проверить, остановилась в дальнем углу, взяла из корзины горсть сухих цветов и бросила в воду. Лепестки рассыпались, словно розовая пыль, припорошенная белым снегом, но иллюзию горного озера нарушил стук лопаты внизу – кто-то перебрасывал уголь.

Убедившись, что я одна, я скинула халат и скользнула в купель. Хотя от сырых камней поднимался пар, вода оказалась еле теплой, я поежилась и оглянулась на свой халат, взбодрившись при виде обозначившегося под складками ножа.

Но только я сомкнула веки, как у двери послышались чьи-то быстрые шаги. Я резко открыла глаза. Убийца не стал бы так шуметь, но я все-таки протянула руку за кинжалом, прежде чем увидела госпожу Сичи Мансин.

– Ой, ваше высочество, простите, я не знала, что вы здесь. Я могу...

– Не беспокойся обо мне, Сичи. В ванне хватит места нам обеим. – Я раскинула руки над водой. – Хотя должна предупредить, она не такая теплая, как кажется.

Она вздернула нос.

– Да уж, тут весь императорский двор поместится.

– Я все же надеюсь, что весь императорский двор сюда не явится.

– Только не это. Лучше не знать, как лорд Растен выглядит голышом.

Произнося эти слова, Сичи развязала свой халат – без капли смущения, которое чувствовала бы я, окажись на ее месте. Она совершенно не торопилась войти в воду и скрыть изгибы своей фигуры. Оказавшись рядом со мной, она преувеличенно поежилась.

– Ого, а вы не шутили насчет температуры.

Еще раз вздрогнув напоследок, она прислонилась к камням, так что над водой остались одни плечи. По длинной шее заструились похожие на чернильные потеки мокрые пряди, а остальные волосы она сколола золотым гребнем в нетугой пучок на макушке. Сичи была на четыре года старше меня и моего брата-близнеца Танаки, а при дворе жила после своей помолвки с ним, устроенной сразу после его рождения. Если меня он со смехом называл драконом в клетке, то она в таком случае была певчей птицей в клетке – красавица скорее не

внешне, а манерами: как она двигалась, разговаривала и смеялась, как поворачивала голову и складывала руки, как грациозно танцевала по миру.

Я завидовала ей почти в той же степени, как и сочувствовала.

Сичи как будто прочитала мои мысли, потому что вздохнула и придвинулась ближе.

– Коко, – она обдала мое ухо теплом дыхания. – Принц Танака никогда ни о чем мне не говорит, так что...

– Мой брат...

Пальцы Сичи сжали мое плечо.

– Тс-с, я знаю. Послушай... Мне просто... Мне просто нужно узнать то, что знаешь ты, и я уйду. На церемонии его величество объявит Танаку наследником? Наконец-то благословит наш брак?

Я повернулась и встретилась с ее испытующим взглядом. Пальцы крепче сжали мое плечо.

– Так что же? Пожалуйста, Коко, расскажи мне все, что ты знаешь. Это... это важно.

– Ты что-то слышала? – спросила я едва слышным шепотом, хотя была уверена, что мы одни – лишь внизу продолжал гроыхать лопатой кочегар.

– Только слухи. Что его величество хочет заключить договор с чилтейцами, а они требуют сначала определить порядок наследования.

Я этого не слышала, но предпочла кивнуть, а не сообщать ей.

– Сегодня я уезжаю навестить семью, как делаю каждый год, – продолжила она, не дождавшись ответа. – Я хочу... Мне необходимо знать, получить хотя бы какой-нибудь намек. Что ты знаешь?

– Ничего, – ответила я, вложив в единственное слово все годы неуверенности и разочарований, годы страха и осознания того, что за мной и Таной следят повсюду, куда бы мы ни пошли, что до сих пор нас оберегало лишь материнское влияние при дворе. – Совсем ничего.

Сичи погрузилась глубже, и вода покрыла ее плечи, словно для защиты от неопределенности.

– Ничего? – Она вздохнула, и по воде разошлась рябь от ее дыхания. – Я думала, ты что-то слышала, но он не говорит мне, потому что...

Она запнулась. Сичи, как и я, знала, что мы обе не только живем рядом в дворцовой клетке, но и ощущаем себя невидимками.

Я покачала головой и выдавила из себя улыбку.

– Передай своим родным от нас все положенные слова, ладно? – сказала я, и у меня заняло сердце, так что пришлось сменить тему. – Наверное, твоей матери тяжело приходится, когда и ты, и твой отец живут при дворе.

– Да, она говорит, что для нее вся жизнь – в моих письмах, потому что отец вечно занят военными действиями и пытается запомнить, когда нужно послать новые приказы окружным командирам и высчитать жалованье генералам.

С тех пор как ее отца назначили министромлевой руки и командующим императорской армией, Сичи редко с ним виделась. Она жила при дворе под присмотром императора, который таким образом обеспечивал верность министра и мог манипулировать будущей женой моего брата.

Сичи продолжала щебетать, словно поток болтовни о пустяках мог подкрепить ее первую нашептанную мольбу о помощи. Я могла бы заверить ее, что такие планы существуют, что Танака очень, очень близок к получению трона, но не доверяла даже Сичи. И хотя она была моей самой близкой подругой, если все пойдет по плану, Сичи никогда не станет моей сестрой.

Я боялась сболтнуть что-нибудь лишнее, а потому побыстрее завершила мытье, извинилась и выбралась из воды, без единого намека на грацию, присущую Сичи. Мне всю жизнь твердили, что я дылда с нескладной фигурой, мои запястья слишком широкие, а плечи слиш-

ком угловатые, и я поскорее схватила полотенце, не заботясь об изяществе, и обмоталась им, как будто оно может что-то скрыть. Сичи наблюдала за мной, и, когда наши взгляды встретились, на ее губах появилась печальная улыбка.

Постоялый двор уже начал просыпаться. Из кухни доносился звон кастрюль и сковородок, у центрального колодца болтали слуги, подставляющие кувшины и ведра. При моем приближении все умолкали и кланялись под неусыпными взглядами императорской гвардии, усеявшей двор. Другим постояльцам не позволялось останавливаться на постоялом дворе одновременно с императором и его придворными, так что главные ворота были заперты, но гвардейцы все равно держали ладони на рукоятках мечей, посматривая на все, что движется.

Инь уже надела дорожное платье и поджидала меня с гребнем и суровыми упреками – почему это я ушла в купальню без нее.

– Я вполне способна помыться без помощницы, – сказала я, опускаясь на колени на коврик перед ней.

– Да, ваше высочество, но ваше достоинство и честь требуют присутствия помощницы. – Она запустила гребень в мои влажные волосы и тут же дернула за колтун. – А я могла бы лучше помыть вам волосы.

За дверью раздался какой-то шорох, и я напряглась. Обычно ежегодная поездка в Кой утихомиривала мои страхи, но на этот раз слишком многое стояло на кону. Инь, похоже, не заметила ничего необычного и продолжала меня расчесывать, но я была настороже, и, пока она делилась полученными от местной прислуги сплетнями, я прислушивалась к шарканью шагов и шуршанию одежды.

Однако нас никто не потревожил, пока не проснулись другие придворные, и тогда в коридорах зазвенели шаги. Когда я оделась, две служанки принесли мне завтрак на длинном подносе, который они держали вдвоем. Пока я ела, Инь упаковывала мой багаж, а служанки скатали циновку для сна. Такого рода домашняя суета всегда усыпляла мои страхи. Я вдохнула поднимающийся от чашки пар.

Во дворе громко созывали носильщиков, и я подошла к окну как раз в тот момент, когда из главной двери таверны вышла Сичи. По такому случаю она нарядилась в прекрасное платье из струящегося и переливающегося в утреннем свете шелка. Я успела взглянуть на нее лишь мельком, прежде чем она с прирожденным изяществом села в ожидающий паланкин и скрылась за шторами.

Принесли и другие паланкины, а также вывели императорского коня – значит, скоро нам придется сесть в экипаж и провести в пути еще один бесконечный день. Танака опять будет ворчать. Эдо попытается его развлечь. А я так заскучаю от них обоих, что начну пересчитывать каждую пройденную милю.

Танака еще не вышел из своей комнаты, и, когда прозвучал гонг, я постучалась в его дверь. Из-за крепких бумажных панелей не донеслось ни звука, и я наклонилась вперед.

– Тана?

Мое сердце гулко забило в тишине.

– Тана?

Я раздвинула дверь. В центре погруженной в полумрак комнаты распростерлись на циновках Танака и Эдо, их одеяла были скомканы, а руки тянулись друг к другу через разделяющую их щель. Эту картину я видела бесчисленное число раз, но сейчас они были не одни. У головы моего брата склонился человек в сером. Занеся над ним кинжал. Маленький. Острый. Который легко спрятать. Из моих легких вырвался беззвучный крик, и при мысли о том, что я ничего не могу сделать, меня поглотил страх. Если бы у меня при себе было хоть пятьдесят ножей, это ничего не изменило бы. Я вошла слишком поздно, и мне осталось лишь смотреть, как кинжал вонзается в моего брата и уносит его жизнь.

Однако нож не сдвинулся с места. Даже не дрогнул. Убийца поднял голову. И наконец-то мой первобытный страх перерос в хриплый вопль, а убийца застыл на долгое мгновение, пока в коридоре раздвигались двери и раздавался стук бегущих ног. Танака резко проснулся, и лишь тогда убийца дернулся и бросился к окну. Я метнулась вслед за ним, чтобы не дать ему ускользнуть, но споткнулась о ноги Танаки, когда он попытался встать. Хлопнули ставни. Комнату затопил солнечный свет. А за ним хлынули голоса, как будто в дверь начала ломиться вся находящаяся в здании прислуга вместе с десятком императорских гвардейцев.

– Что случилось, ваше высочество? – спросил первый.

Его пытливый взгляд обшарил комнату. Другой гвардеец ухмыльнулся, оглядев меня с ног до головы. Третий закатил глаза. Ни один из них не видел убийцу, а может, никто просто не желал его видеть. Эдо сел, обхватив руками колени, а Танака по-прежнему сонно моргал.

– Ничего не случилось, – сказала я, пытаюсь придать лицу презрительное выражение. – Наступила на острый кусок тростника в циновке, вот и все. Займитесь своими делами. Нельзя заставлять ждать его величество.

* * *

– Ненавижу торчать в этом тесном экипаже, еще один день в пути убьет меня гораздо вернее, чем любой убийца, – сказал Танака, вытягивая ноги на пустое сиденье рядом со мной. – Надеюсь, его величество доберется до Коя уже сегодня. Ему-то хорошо весь день скакать на свежем воздухе.

– Ну, когда сам будешь императором, то сможешь ездить, куда пожелаешь, – ответила я. – Я-то уж точно.

Танака скрестил руки на груди.

– Когда? Хотел бы я обладать твоей уверенностью, сестренка. Сегодня утром стало ясно, что его величество по-прежнему хочет от меня избавиться, а если император жаждет моей смерти, то вряд ли объявит наследником.

Прошел почти год с последней попытки нас убить, и сегодняшний убийца потряс меня больше, чем я осмеливалась признаться самой себе. Будущее виделось ясным, а план простым – даже чилтейцы требовали у его величества объявить наследника. Я была так уверена, что мы нашли способ выкрутить его величеству руки, и тут...

Сидящий рядом с Танакой Эдо одарил моего брата таким взглядом, который мог бы расплавить лед, но в ответ покраснели только мои щеки. В их взглядах было столько подлинного взаимопонимания и привязанности, что мне пришлось отвернуться. Меня тоже мог прикончить еще один день в пути, если и впрямь возможно умереть от разбитого сердца, как прекрасные дамы из поэм.

Эдо перехватил мой взгляд и улыбнулся, хотя и только вполсилы от приберегаемой для Танаки улыбки, но все равно мое сердце заняло при виде его прекрасных черт. Эдо обладал классическим точеным профилем кисианца, но служанки боролись за право принести ему воду для умывания не из-за его носа, скул или глаз с длинными ресницами, а из-за того, как любезно он благодарил их за службу – словно не был старшим сыном самого влиятельного герцога Кисианской империи.

Чтобы не вызвать его полную извинений улыбку, я предпочла выглянуть в окно, ведь, в отличие от Танаки, Эдо не был слепцом.

– На церемонии его величество объявит наследником его светлость Батиту, – продолжил Танака, хмуро уставившись на свои сандалии. – И выдаст за него замуж Сичи. Прошло уже два года с тех пор, как Батита потерял жену. Хотя министр Мансин этого и не одобрит. Они с дядей Батитой на ножах с тех пор, как император Кин назначил Мансина командовать армией.

Эдо выразительно поморщился, чтобы заставить его прекратить изменнические речи. Он слишком хорошо знал, насколько это опасно. Ко двору его приставили еще ребенком, и вместо игрушек он развлекался с дедушкиным перстнем с печатью. Как и Сичи, он стал придворным императора, вызывая всеобщую зависть. Слово «заложник» никогда не слетало с губ улыбающихся придворных подхалимов.

Как всегда, по обеим сторонам экипажа скакали четверо императорских гвардейцев, сменяясь на каждой остановке. На плаще ближайшего темнели пятна пота, а лицо покрывала испарина, но на его губах все равно сияла улыбка, без которой я редко его видела.

– Снаружи капитан Лассель, – сказала я, и эти слова оборвали разговор куда быстрее, чем любые молчаливые предупреждения Эдо.

Через мгновение Танака уже выглядывал из-за моего плеча через решетчатое окошко. Капитан Лассель не замечал, что мы за ним наблюдаем, но из-за вездесущей полуулыбки казалось, будто замечает, и за это я ненавидела его еще сильнее. Та же улыбка сияла на его губах, когда он извинялся, что во время его караула в мою спальню прокрался убийца. За три года мое недоверие ничуть не уменьшилось.

Танака переместился к другому окну, выглянул из-за плеча Эдо и сказал:

– С этой стороны – Киа и Тороно.

Самые юные и недавно поступившие на службу гвардейцы, присягнувшие императору лишь год назад.

– Это мало что меняет, – заметила я.

– Мне кажется, Киа на маминой стороне. Насчет Тороно я не уверен.

И снова Эдо шикнул на него, а я продолжала рассматривать горделивую фигуру капитана Ласселя верхом на коне. Однажды капитан обнаружил меня стоящей у тела убийцы, кровь из раны на локте заливала всю мою руку. В четырнадцать я была уже ростом как взрослая, но обладала присущей подросткам неуклюжестью и неуверенностью, так что не могла сдерживать слезы. Он послал за горничной и убрал труп, а я с рыданиями его поблагодарила. Злость родилась позже.

Экипаж начал замедлять ход. Капитан привстал в стременах, но из окна я не увидела ничего, кроме нашего каравана придворных. Лошади, экипажи и паланкины, флаги, вымпелы и шелка.

– Мы останавливаемся? – спросил Танака, по-прежнему выглядывая в другое окно. – Только не говорите, что мы делаем привал на ночь, потому что сейчас разгар дня.

– Вряд ли, – отозвался Эдо. – Ближайший постоянный двор как минимум в трех милях от Полей Шами. Наверное, император остановился, чтобы вознести хвалу богам.

Поскольку мы находились далеко от авангарда императорской кавалькады, я не разобралась, где мы, пока не услышала Эдо, но как только с его губ слетели эти слова, за окном появились первые цветы канашими, их бледные лепестки рассыпались на обочине, как брызги снега. В честь каждого солдата, погибшего в сражениях за покойного императора Отако, посадили один цветок. Именно здесь императора Тянто Отако захватил и казнил за измену тот самый человек, чью голову сейчас украшала корона и чью фамилию мы носили, хотя и не имели с ним общей крови.

В детстве матушка прошептала мне на ухо правду, и после этого я уже другими глазами смотрела на запертые ворота и гвардейцев, на толпу слуг и наставников и отсутствие друзей. Золотая клетка.

Убийцам нужна была не Мико Ц'ай. Они охотились за Мико Отако.

– Смотри, Мико! Что за... – сказал Танака, сидящий у другого борта экипажа. – Кто это там? Что за люди на полях? Они несут белые флаги.

– С этой стороны тоже один такой, – отозвалась я, прижавшись щекой к теплоте от солнца окошку. – Нет, двое. Трое! И у них в руках молитвенные таблички. Неужели...

Экипаж притормозил еще сильнее, капитан Лассель куда-то свернул и пропал из вида. Как только карета остановилась, я распахнула дверь и выпрыгнула, прежде чем кто-либо из охраны успел возразить. Не обращая внимания на их советы оставаться внутри, я протискивалась между верховыми гвардейцами и телегами с багажом, застывшими слугами и паланкинами с дамами, которые изо всех сил обмахивались веерами и сетовали на невыносимую жару, так что даже не заметили, как я прохожу мимо.

– Ваше высочество! – окликнули меня сзади, я обернулась и увидела, что Танака последовал за мной, золотые нити его одежды поблескивали на полуденном солнце. – Ваше высочество, заклиная вас...

– У этих людей флаги Отако, – сказал нагнавший меня Танака, с его лица исчезло добродушие.

– Я вижу.

– Не торопись, – прошептал он, когда мы оказались в авангарде кавалькады, схватил меня за руку и на мгновение сжал ее, чтобы приободрить.

Я замедлила шаг. Все выворачивали шеи, чтобы лучше рассмотреть перегородивших дорогу людей. Некоторые из них были в простой солдатской форме, а другие в коротких шерстяных рубашках и штанах, как у крестьян. Лишь несколько человек щеголяли в одежде из ярких тканей тонкой выделки, а в основном все затопили коричневый, синий и грязно-бурый. Белые флаги трепетали на концах длинных шестов, а многие люди несли молитвенные дощечки, маленькие и побольше, исписанные длинными строчками слов.

Его императорское величество Кин Ц'ай наблюдал эту сцену, сидя на своем темном коне, шагах в двадцати от нас, пока его одетый в черное слуга разговаривал с предводителем смутьянов. Император тем временем переговаривался с одним из своих советников и с придворным священником, отцом Окоми. Казалось, будто они просто решили дать отдых лошадям, так мало интереса они выказывали к происходящему, но гвардейцы за спиной его величества застыли в напряженных позах и встревоженно посматривали по сторонам.

Матушкин паланкин возвышался в центре дороги, как драгоценная шкатулка, носильщики поставили его, чтобы вытереть потные лица и размять руки. Когда мы подошли ближе, из-за штор показалась ее рука, в молчаливом жесте приказывающая нам остановиться.

– Но что там проис...

Я наступила Танаке на ногу, и он закрыл рот. Слишком много глаз вокруг. Слишком много ушей. Возможно, глупо было выходить из экипажа, но сидеть там в полном бездействии и не показываться, когда остались считанные дни до объявления наследника императора... От людей, которых все в империи забыли, куда проще избавиться.

Напряженную тишину нарушало только хлопанье знамен на ветру – белых впереди нас и алого дракона над головой Ц'ая. Несколько гвардейцев переминались с ноги на ногу. Слуги положили на дорогу свою ношу. А генерал императорской гвардии Рёдзи пошел в нашу сторону, мрачный и на взводе.

– Ваше высочество, – сказал он, каждой черточкой стареющего лица излучая неодобрение, – прошу вас, вернитесь в экипаж, там безопаснее. Мы пока не знаем, чего хотят эти люди.

– Именно по этой причине я останусь с матерью, генерал, – ответил Танака, и Рёдзи с неохотой кивнул. – Кто эти люди?

– Солдаты. Крестьяне. Мелкие землевладельцы. Несколько очень смелых приверженцев императора Отако, которые считают, что им нечего бояться, и высказываются открыто. Вам не о чем беспокоиться, мой принц.

Мой принц. Это был необычный оборот, но я давно уже научилась вслушиваться в подобные фразы и различать скрытые в каждом слове послания. Танака понимающе кивнул и остался на месте. Высокий, худой и статный, он притягивал всеобщее внимание.

К нам подбежал гвардеец.

– Генерал! Генерал Рёдзи, его величество требует, чтобы вы приказали солдатам-смутьянам и прочему сброду немедленно убраться с дороги.

Больше он ничего не прибавил, а развернул коня и порысил в авангард кавалькады. Я последовала за ним.

– Мико, – прошептал Танака. – Мы должны остаться здесь, вместе с...

– Пойдем со мной, – сказала я, взяла его за руку и потащила за собой. – Пусть все увидят наследников Алого трона, самое время.

Матушка выкрикнула из-за штор новое предупреждение, и я на мгновение заколебалась, но все равно храбро потащила его вперед.

Во главе кавалькады генерал Рёдзи спешил и встал перед демонстрантами.

– Как командир императорской гвардии, требую, чтобы вы очистили дорогу. Сообщите о своих нуждах как подобает, – сказал он. – Хотя вы протестуете мирно, препятствия для проезда по имперским дорогам будут расцениваться как государственная измена.

– Как подобает? Это что же, пожаловаться подлецам южанам, которые заполучили все бразды правления, на подлецов южан, которые заполучили все бразды правления? – прокричал ближайший солдат под хор одобрительных голосов. – Или южанам-чиновникам, которые заняли все посты в правительстве? – Снова раздался одобрительный гул, теперь уже громче – все демонстранты взорвались гневными выкриками. – А может, налетчикам-чилтейцам, которые грабят наши города и деревни, сжигают поля и дома и убивают детей, пока пограничные батальоны сидят сложа руки?

Он был настолько зол, что его не могло остановить чувство самосохранения. Солдат шагнул вперед, тыча крючковатым пальцем в его величество. Император Кин прервал разговор с отцом Окоми и уставился на солдата. Тот распалился еще сильнее.

– Вы допустили уничтожение севера и молча смотрели, как нас втоптывают в грязь, только потому, что когда-то мы стояли под знаменами Отако. Вы...

– Генерал, – сказал его величество, не повышая голоса, но так, чтобы все слышали. – Я собираюсь отправиться дальше. Уберите их с дороги.

Я смотрела, как он хладнокровно сидит на своем огромном коне, и пылала от злости, вспомнив покушение на Танаку. Он с такой же легкостью разделался бы и с протестующими, потому что не желал видеть неприятную правду.

Я отпустила руку Танаки, вышла на пустое пространство между придворными и сердитыми демонстрантами и остановилась рядом с генералом Рёдзи.

– Не стоит проливать кровь, – сказала я, стараясь говорить громче. – Его величество едет на север, чтобы вновь принести присягу Кисии и выслушать ваши жалобы, и, если все и в самом деле обстоит так, как вы описываете, долг повелевает исправить положение. Как представитель рода Отако по матери и Ц'ай по отцу, благодарю вас за верность и службу Кисии, но прошу отойти с дороги, чтобы мог проехать император. Наместник богов не может принимать важные решения на обочине.

По рядам зрителей затрещал напряженный смех. Демонстранты опустили молитвенные таблички и встали плечом к плечу, простолюдины и солдаты, глядя на меня жадными глазами. Их предводитель облизал губы, посмотрел на генерала Рёдзи, потом на Танаку и, запинаясь, произнес, обращаясь скорее к Танаке, чем ко мне:

– Вы просите нас как представитель обеих семей. Обещаете нам поступить по справедливости. Но говорите ли вы как наследник его величества?

Генерал Рёдзи фыркнул. Кто-то за моей спиной охнул. Задав смелый вопрос, солдат гордо застыл посреди дороги, но его взгляд шнырял туда-сюда, оценивая опасность, как у бывшего вояки.

– Ваша вера в меня делает мне честь, – сказал Танака, тоже повысив голос, чтобы все его слышали. – Надеюсь, однажды я буду стоять перед вами как наследник и ваш император, но это

решение принимают боги, а не я. – Он раскинул руки. – Если вы хотите, чтобы вас услышали, вознесите молитвы богам. Я буду рядом во всех ваших бедах, буду сражаться за вас. Буду любить и заботиться о своем народе. Если боги в своей бесконечной мудрости признают меня подходящим для этой роли, я буду служить вам в меру моих скромных сил и способностей.

Его имя громко раскатилось по толпе, и я постаралась не завидовать тому, с какой легкостью он завоевал их любовь. Толпа подалась вперед, вытягивая руки, чтобы прикоснуться к нему, словно он бог. Он таковым и выглядел – высокая фигура в золотом одеянии, окруженный людьми, которые кланялись, касаясь его ног, и благодарили, в то время как другие поднимали дощечки к небу и возносили молитвы.

Мы были осторожны и не произнесли ничего, что можно считать изменой, но чем сильнее толпа превозносила принца, тем опаснее становилась ситуация, и я подняла дрожащие руки.

– Понимаю, что вас переполняет любовь к моему брату, – сказала я, перекрикивая их молитвы. – Но теперь лучше разойдитесь. Попроси их уйти, Тана.

– Разве ты не этого хотела? – отозвался он. – Пусть его величество видит, как ему следует поступить.

– Он уже видел достаточно. Пожалуйста, попроси их разойтись. И побыстрее.

– Как скажешь, сестренка. – Послушайте! – он тоже поднял руки. Меня толпа проигнорировала, но перед ним все благоговейно умолкли. – Пора разойтись и пропустить его императорское величество, наместника богов, на плечах которого Кисия...

Пока Танака говорил, я обернулась, чтобы посмотреть на реакцию императора, но мое внимание привлекло темное пятнышко на голубом небе. В нашу сторону взметнулась стрела, прочертив в воздухе дугу, как пикирующий на добычу ястреб.

– Берегись!

Кто-то закричал. Толпа в панике отхлынула, и Танака оказался в ловушке толкающихся людей. Без охраны. Без щитов. Я ничего не могла сделать. Мои руки были пусты. Еще утром я стояла в дверях его комнаты и была уверена, что он вот-вот умрет, но сейчас... Без лишних раздумий я выхватила из рук ближайшего демонстранта молитвенную дощечку и накрыла голову Танаки. Стрела с гулким стуком врезалась в дерево, расщепив его. Мои руки задрожали. На мгновение в знойном полуденном воздухе стало так тихо, что я слышала только вибрацию стрелы.

– Они напали на принца, прикрываясь флагами миролюбия! – послышался крик из-за наших спин.

Предводитель протестующих поднял руки, словно решил сдаться.

– Это не мы! Не мы! Мы лишь попросили его величество объявить своего наследника и...

Его горло пронзила стрела, отбросив солдата на стоящих позади него. Остальные поднимали молитвенные дощечки и белые флаги в надежде, что их выслушают, но императорская гвардия обнажила мечи и начала теснить толпу. Один гвардеец полоснул по горлу стоящего на коленях мужчины, другой подсек мечом бегущего. Лишь у немногих протестующих солдат были мечи и ножи, большинство же были простыми и безоружными крестьянами.

– Прекратите! Хватит! – закричал Танака, когда на него брызнула кровь из горла стоящего рядом человека. – Если я не...

Генерал Рёдзи схватил Танаку за руку.

– Возвращайтесь в экипаж! Немедленно уходите отсюда!

– Но они не...

– Да, это не они, это сделали вы.

Он потащил Танаку подальше от сумятицы, обратно к кавалькаде, и я последовала за ними. Нас провожали молчаливыми неодобрительными взглядами. Матушка убрала руку за шторы паланкина, но его величество внимательно наблюдал за нами из-за спин собравшихся поглазеть на резню придворных, и на мгновение наши взгляды встретились. Он не сказал ни

слова и не пошевелился, но на миг мне показалось, будто он улыбнулся, мрачно, но с уважением. Правда, потом я начала в этом сомневаться. Просто выдала желаемое за действительное, не более.

Эдо ждал у дверцы экипажа, но как только Рёдзи привел Танаку, немедленно скрылся из вида, придержав для меня дверцу. Я заняла свое место, дрожа с головы до пят.

Генерал сунул голову внутрь.

– У тебя есть предсмертное желание, мальчишка?

– Я лишь пытался предотвратить кровопролитие, генерал, если вы не заметили.

– И тем самым нарисовал у себя на спине огромную мишень.

– Народ меня любит!

Ухмылка генерала Рёдзи больше напоминала звериный оскал.

– Думаешь, они приветствовали тебя? Они тебя даже не видели. Перед ними снова стоял Катаси Отако.

– Я рад, что выгляжу...

– Твой отец был предателем. Чудовищем. Он убил тысячи человек. А ты...

Он явно не сумел подобрать нужные слова и захлопнул дверь. Я крикнула вознице, и карета потряслась дальше. Танака нахмурился, не обращая внимания на озабоченные вопросы Эдо, а снаружи на Поля Шами лилась кровь людей, готовых умереть ради семьи Отако.

Глава 2

Рах

Отрезать голову куда труднее, чем вы думаете. Умеющий обращаться с топором человек сможет сделать это с одного удара, если только жертва не попытается сбежать, но в степи голову отрезают ножом. Первый надрез – дело простое. Потом зазубренное лезвие углубляется в плоть, и тут кажется, будто все почти готово. В первый раз я тоже так решил. Подумал, что это будет легко и просто и кровищи будет гораздо меньше.

Но таковы уж наши традиции. Традиции левантийцев. И хотя мы ворчим, но все равно пилим ножом и еще теплую плоть, и давно остывшую, чтобы освободить душу покойника. Даже когда мы далеко от дома.

– Почему просто их не бросить? – спросил Эска, расхаживающий за моей спиной. Он молотил дорогу шагами, словно она нанесла оскорбление его матери. – Ночь на дворе.

Темная кровь на лице покойника напоминала рваную маску. Кровь вытекала из глаза и глотки – кто-то уже выполнил половину моей работы.

– Бросай его, Рах, пошли. Они и врагами-то были никудышными.

– Все души одинаковы, – возразил я. – Тебе стоило бы об этом вспомнить, прежде чем отдавать приказ их убить.

– Вот только не надо этих бредней заклинателей. Они напали первыми.

Я встал и при взгляде на несчастных мертвецов не удержался от вздоха.

– Мы не бросим ни одной души, – сказал я. – Лок, Амун, Джута, перережьте им горло.

Двое воинов и мальчишка с неизменным ворчанием шагнули вперед.

– Джута еще ни разу не...

– Пусть учится. – Я мрачно уставился на Эску. – Возможностей потренироваться и так немного. – Я кивнул Джуте. Его волосы были перехвачены в неопрятный хвост на затылке. – Ты знаешь, что делать.

– Да, капитан.

– Я буду рядом.

Все остальные охотники отошли от бойни подальше, и вечер наполнился их смехом, лишь Эска по-прежнему неодобрительно маячил рядом.

– Мы недостаточно хорошо знаем эти земли, чтобы путешествовать по ночам, – сказал он, когда я опустился на колени перед одним из павших. – В особенности без помощи богини луны.

– Наши глаза скоро привыкнут к тому, что в небе только одна луна.

Эска фыркнул.

– Все равно это неправильно. Как они выносят такую темнотищу?

Я положил голову мертвеца себе на колени и начал резать ему горло, воспользовавшись имеющейся раной. Кровь полилась на землю. В таком деле очень быстро учишься разводить колени в стороны.

Чуть дальше вдоль тракта Амун быстро разделался со своим покойником, а Лок работал медленно и степенно, как всегда. Лицо Джуты сосредоточенно напряглось.

– Кишава сказала, что обратно до лагеря больше часа хода.

Я перестал резать, поднял голову и посмотрел на своего заместителя. Последние лучи солнца озаряли его хмурое лицо.

– Если ты думаешь, что у тебя получится быстрее, займись сам.

– Я просто думаю, что тебе вообще не стоило этим заниматься, – тихо произнес он, чтобы никто, кроме меня, не услышал. – Они ведь чужаки.

– Да, но душа есть душа, именно поэтому капитан я, а не ты. А если тебя так волнует наша скорость, принеси лучше мешок для голов. Или даже два.

Он опустился на колени, и заходящее солнце позолотило его короткие темные волосы.

– Все мешки забиты, – сказал он, почти касаясь губами моего уха. – Там мясо, ради которого мы и пришли сюда на охоту.

– Я знаю. Переложи его или выброси часть.

– Нам нужна еда, капитан.

– По-твоему, я не знаю? – сказал я, и мой нож замер, когда оставалось перерезать совсем чуть-чуть. – Но что мы за левантийцы, если забудем о чести, стоило нам только оказаться далеко от родины?

Эска наклонился ближе и рявкнул:

– Из-за таких мыслей мы здесь и очутились.

– Если ты хочешь встать во главе Вторых Клинков, можешь бросить мне вызов, – сказал я, не сводя с него взгляда.

И ведь этого человека я назвал другом задолго до того, когда мы оба поклялись до последней капли крови защищать гурт.

Он не пошевелился и молча пожевал губами, так что стал хорошо заметен шрам вдоль челюсти – Эске чудом удалось избежать удара топора в тот день, когда мы потеряли гуртовщика Сассанджи во время набега корунцев.

– Что, не хочешь? – Он не ответил, и я его отпихнул. – Тогда носи мешок. Ты лично понесешь его обратно в лагерь и сам будешь присматривать за головами, пока мы не найдем храм.

Он проворно встал на длинные ноги.

– Да, капитан.

Эска свел кулаки вместе в кратком приветствии и ушел. Через несколько секунд на фоне жужжания мошкары и кваканья лягушек раскатились его лающие приказы и ворчание десятка Клинков.

Джута сосредоточенно трудился над своим мертвецом рядом со мной, его руки и щека были залепаны кровью. Амун уже закончил и всем видом показывал, что пытается не подслушать наш разговор.

Я поспешил закончить дело и в итоге так искромсал позвоночник, как будто оторвал проклятую голову. Под взглядом мертвых глаз я одними губами произнес молитву Нассусу. Возможно, покойник предпочел бы молитву Единственному истинному Богу, о котором твердят миссионеры, но придется ему довольствоваться левантийским богом смерти.

Эска молча принес окровавленный мешок, и я закинул в него голову. Свет быстро угасал. Лес, в котором мы охотились на оленя, перед тем как нас атаковали эти глупцы, погружался во тьму. Я пытался сказать им, что мы не желаем зла, но они не понимали по-нашему, как и мы – их язык. Ни один вернувшийся из изгнания левантиец не говорил, что местные агрессивны.

Я вымыл руки последними каплями воды из своего бурдюка и вытер их об рукав мертвеца.

– Ладно, пошли, – сказал я. – Пока не появились какие-нибудь новые глупцы, напрашивающиеся на неприятности. Кишава?

Охотница закинула мешок с оленьим мясом на плечо.

– Надо поспешить, – сказала она, пока остальные тоже собирали мешки. – Надвигается ночь.

– Так поспешим.

Перекинув через каждое плечо по мешку с головами, Эска пошел в лес вслед за Кишавой, и я подал знак остальным идти за ним. Джута был последним, а я замыкал строй. Хотя Джуту

еще не произвели в Клинки, его мешок с мясом был такого же размера, как и у остальных. Лицо так и осталось сосредоточенным и хмурым.

– Что, парень, рука болит?

– Как будто целый день натягивал тетиву, – ответил он из-под окровавленной пелены волос, которые так и норовили упасть ему на лицо.

Мы шли под темным пологом деревьев, жужжащие насекомые облепляли то потные руки, то лоб, то садились на взмокшую под рубахой спину.

– Проклятые мухи. – Джута отогнал мух от своей кровавой ноши. – Это правда необходимо, капитан? Они же не были воинами.

– А старейшина Петра была воином?

– Нет.

Мы шли вдоль удлиняющихся теней по следу Клинков, темной веной струящемуся меж деревьев.

– Но ее душу освободили?

– Да.

– Вот ты и ответил на свой вопрос. В глазах Нассуса все души одинаковы. Если мы оставим хоть одну взаперти в ловушке плоти, то нанесем величайшее оскорбление Создателю.

Он кивнул и уставился себе под ноги, на сухой подлесок. Он усвоил урок, хотя не я должен был его преподать. Я-то выучился всему у гуртовщика, как всякий юный левантиец из гурта Торинов. Точнее, как учились все юные левантийцы до того, как гуртовщик Риз пустил к нам миссионеров. Позволил им нам помогать. Позволил остаться. Позволил говорить.

У меня заныло сердце, и всего на мгновение мне страшно захотелось вернуть все вспять, чтобы мы по-прежнему жили дома, под палящим солнцем, охотились и приносили своему гурту добычу. Но ничего уже не воротить. И если бы я мог выбирать, то снова отдал бы те же приказы.

– И что будем делать с головами, капитан? – спросил Джута, оторвав меня от размышлений. – Здесь же нет храмов.

– Нет храмов Нассуса, но местные-то храмы есть. Будем нести головы, пока не сможем освободить души покойников.

* * *

Я чистил нож перед костром, а тем временем всем раздавали еду на двадцати потрепанных оловянных тарелках, тонких как листики. Мы поступили разумно, бросив остальные восемьдесят тарелок и освободив место для инструментов и припасов, но каждый раз, когда начиналась борьба за очередь на раздачу еды, я жалел о своем решении.

Эска, как всегда, шушукался со своими приятелями подальше от костра, и я не сомневался, что он наблюдает за мной из сумрака, но не смотрел в его сторону. Рядом со мной медленно жевал свою порцию Йитти, наш целитель.

– Что не ешь, капитан? – спросил он с полным ртом риса и грибов, завернутых в вяленое мясо.

– Хочу сначала закончить.

Он пожевал, наблюдая за моей работой.

– Если продолжишь чистить этот нож, то просто зазря сотрешь лезвие. Ты встревожен. Беспокоишься о запасах провизии.

– Купленный в порту рис почти на исходе, – сказал я, пряча нож в ножны. – Нужно идти дальше. Все говорят, что здесь есть работа для воинов.

Половину его лица заливал свет от костра, отбрасывая гротескные тени на другую, когда он ковырялся в зубах. Он, как всегда, задумался над моими словами – Йитти вечно размышляет над простейшими решениями.

– Все говорят? Так говорили воины Третьих Клинков Ахна и Первых Бахмута, но то было пять лет назад, а Гидеон так и не вернулся. И ни один из его Клинков тоже.

Его спокойные слова проникли глубже, чем злость Эски.

– Можешь предложить что-нибудь получше? – спросил я как ребенок, которым вроде бы давно уже не был.

По-прежнему медленно жуя, Йитти покачал головой.

– Нет, капитан.

Я оставил его дожевывать ужин и повернулся носом к соблазнительным ароматам, от которых у меня потекли слюнки. Седельные мальчишки развели костер и устроили угольную яму, а теперь скрючились над ней, не обладая ни сноровкой, ни умениями настоящих поваров из гурта.

– Что, решил-таки поесть, капитан? – сказал Джута, лишь на миг оторвав взгляд от своей работы.

С кончиков его волос и с носа на угли капал пот. Сидящая рядом с ним Ийя, единственная седельная девочка, доставала из мешка свежее мясо.

– Не-а, подожду. Остатки сладки.

– Мудрое решение.

Подле меня появилась Хими, протягивая Джуте тарелку, и толкнула меня бедром. Учтивая ее рост, мне она попала по ляжке.

– До чего же забавно видеть тебя рядом с углями для ужина, капитан.

Джута плюхнул в ее тарелку рис и мясо и отдал обратно.

– Это все? – спросила она. – А где же грибы?

– Кончились.

Она нахмурилась, но не успела огрызнуться, потому что тут встрял я:

– Тяжело научиться готовить на сотню ртов, если никогда прежде этим не занимался, Хими. Не злись на него.

Она взяла еду, приложив кулак к тарелке в хилом приветствии вместо благодарности, и побрела обратно к главному костру.

Я глубоко вздохнул.

– Что у нас с припасами?

– Это последнее мясо от прошлой охоты, – ответила Ийя, подбросив кусок в угли.

– Но должно же было хватить на три дня?

– А не хватило.

Джута заправил влажный локон за ухо, а юный Фессель, поиграв мускулами, высыпал в яму новые угли. Подготовка – не их работа, обычно Клинки этим не занимаются, но раз здесь нет полного гурта, то больше готовить некому.

– И соль у нас кончается, капитан, – продолжил Джута. – Сегодня засолим мясо, и все.

Я потер глаза ладонью.

– Проклятье.

– Я мог бы этим заняться, – сказал он, напомнив мне, что дома через сезон-другой его бы постригли и заклемили, назвав мужчиной, но здесь не степь, и повар нужен мне больше, чем еще один прожорливый воин.

Если мы завербуемся к кому-нибудь на службу, у него появится шанс к нам примкнуть. А если нет, мне некогда беспокоиться о недовольном седельном мальчишке.

– Вместе со мной, – отозвался я. – И сколько мы протянем на сегодняшней добыче?

– Дня четыре, если будем экономить, – сказала Ийя, выворачивая мешок, чтобы вытащить последний кусок мяса из промасленной подкладки. – Только нужно найти пастбище для лошадей, потому что корма осталось дня на два, максимум на два с половиной. Орун скажет точнее.

Я собрался уходить, но Джута схватил меня за руку.

– Остальные поговаривают о том, что нужно уходить, – прошептал он, вцепившись почерневшими пальцами в мой рукав. Дескать, пусть мы еще и не заклеяны, нам предстояло стать Клинками, а не рабами.

– А к тебе они прислушиваются? – прошептал я в ответ, не сомневаясь, что Ийя наблюдает.

– Иногда.

– Тогда удерживай их, пока можешь. Вместе мы сильнее, чем поодиночке, а судьба скоро переменится к лучшему. После того как мы найдем храм, чтобы проводить души, которые несем с собой.

Он мотнул головой в сторону вялящегося на сетке мяса. Внизу стояли два закрытых мешка.

– Тогда пусть это будет поскорее, капитан, в такую погоду они быстро начнут вонять.

– А сода у нас есть?

– Немного.

– Так засыпь их, пока к нам не слетелись все стервятники Чилтея.

* * *

После еды Эска собрал Ладонь, и мы впятером расселись вокруг умирающего костра, пока остальные Клинки готовились ко сну. Охотница Кишава, конюх Орун, целитель Йитти, Эска и я составляли полную Ладонь, которая управляется с Клинками. По крайней мере, так задумывалось. Я давным-давно понял, что, как бы прекрасны ни были намерения, гораздо важнее, как их выполняют.

– Ну что ж, капитан, – сказал Эска, скрестив на земле ноги. – И какой же чудесный план ты вынашиваешь сейчас?

А выполняют приказы сердитые, хмурые воины.

– Мы здесь уже две недели, – сказал я, оглядывая залитые светом костра лица. – Пока что мы не увидели ни следа Гидеона, а жизнь вне гурта оказалась...

– Дерьмовой.

Эска хмуро уставился на огонь.

– Я хотел сказать – тяжелее, чем мы ожидали.

Орун передернул одним плечом – на втором висел тяжелый конский короб.

– А я именно этого и ждал, – сказал он хрипловатым голосом человека, видевшего много циклов. – Потому обычно мы и путешествуем гуртом. Когда рук много, то и работа спорится. Мы сражаемся и охотимся, другие готовят и ткут, выделывают кожи и присматривают за молодежком. А сейчас мы можем сражаться и охотиться, но готовить для нас некому.

– Кроме седельных мальчишек, – снова встрял Эска, покосившись на Джуту, который склонился над угольной ямой, и маячившего за его спиной Фесселя, который развешивал остатки соленого мяса.

– Это не их работа, как и не наша, – сказал я. – Но пока мы не можем вернуться, так что придется найти способ идти дальше.

– Какой философский подход, – ухмыльнулся Эска.

Кишава откашлялась.

– Капитан прав. Мы застряли здесь на полный цикл, а это слишком долго, мы не можем позволить себе расслаживаться и устраивать склоки. Сидя тут, мы Гидеона не отыщем.

Йитти провел рукой по коротким волосам, будто так ему лучше думалось.

– Может, Гидеона уже нет в живых. Он был Первым Клинком Торинов. Три года – долгий срок, чтобы столько времени оставаться вдали от родных мест по своей воле.

– Вот об этом я постоянно и твержу, – сказал Эска. – Он не стал бы здесь торчать добровольно, а значит, идти дальше опасно. Здесь есть вода и животные. Разведчики, которые сделали вылазку из леса, сообщили, что дальше бесконечно тянутся голые скалы.

– Там есть город, – возразил Орун. – Мне кажется, именно это и пыталась сказать девушка. Из последней деревни. Я спросил... – Он обозначил ладонями скат крыши, показывая способ, которым переговаривался. – Она махнула на юг и сказала какую-то тарабарщину, но, кажется, она называла город Столица.

– Столица? – переспросил я. – И город большой?

Он снова передернул одним плечом.

– Она показала вот так. – Он раздвинул ладони. – Но может, она просто восхищалась размером моего члена.

Смех немного снизил напряжение. Улыбка Оруна была кривобокой, как и манера пожимать плечами.

– Тогда пойдем на юг, – сказал я. – Может, Столица стоит на Ленте, а значит, там есть пища и вода. Мы даже можем найти кого-то, кто говорит на нашем языке, расспросим про Гидеона и наймемся на службу воинами.

– На службу? – Я приготовился к вспышке ярости, но все равно вздрогнул, когда Эска на меня напустился. – Ты хочешь, чтобы мы работали за деньги? Как простые горожане у нас дома? Если ты хочешь именно этого, тебе следовало бы заткнуться и делать то, что велел гуртовщик Риз.

– Да чтоб ты провалился, Эска! Мне тоже здесь не нравится, но неужели ты не можешь делать, что велят?

Он встал, накрыв меня своей тенью.

– Если бы гуртовщик Риз отдал мне приказ, я бы его выполнил. Любой приказ.

– Гуртовщик Риз выжил из ума! – рявкнул я, вскочив. – Он больше не слышит собственный народ.

Эска шагнул ближе и понизил голос, хотя вокруг уже начали собираться люди:

– Так почему же ты не оспорил его власть? А? Почему великий капитан Рах э’Торин не высказался, прежде чем дошло до такого? Я скажу тебе почему. Потому что великий капитан – трус. Потому что, если бы ты бросил ему вызов и проиграл, тебя бы изгнали в одиночестве, а так ты сохранил честь и утащил всех нас за компанию.

Он сплюнул, и слюна зашипела на углях.

– Ты стал заместителем капитана Галлуса только по одной причине – его сестренке нравилось у тебя отсасывать. Но раз ты не сумеешь вывести нас из этой передраги с помощью члена, может, пора тебе отойти в сторону и позволить принимать решения кому-нибудь другому?

– Тебе, что ли?

– Хотя бы и мне. Если бы к моменту его смерти я по-прежнему был его заместителем, мы не торчали бы здесь, слизывая с камней воду и отрезая головы у дикарей.

Эска вытащил из ножен на бедре одну саблю, и среди собравшихся Клинков прошел шепоток. Теперь клинок либо испробует вкус крови, либо будет отброшен навсегда.

Если бы мы были дома, в степи, то между нами встал бы кто-нибудь из старейшин и постарался утихомирить, прежде чем Торины почем зря потеряют воинов, в которых так нуж-

даются, но здесь не было старейшин, как не было гурта. Три других воина из Ладони не пошевелились.

Я нащупал гладкую кожаную рукоять, и по моим венам запульсировал огонь.

– Если бы ты не возразил корунцам, то втоптал бы в грязь свою честь, – сказал я. – Ты обрел бы души каждого из нас лечь тяжким грузом на весы Моны. Думаешь, мы тебя поблагодарили бы?

– Весы. Честь. Боги. Шел бы ты со своими старыми байками, Рах. Оглядишься вокруг и увидишь новый мир. Хочешь ты того или нет, но все изменилось. Города укрепляют свою власть над нашими землями, и, если мы хотим выжить, став их вассалами...

– Вассалами? – Тишина стала мертвенной, лишь потрескивали угли. – Я скорее умру, чем склонюсь перед корунцами. Или перед темпачи. Или перед кем угодно, кто решит отобрать у нас степь.

– Так умри. Вторым Клинкам пора получить нового капитана, который поведет их домой. Послышался гул голосов, но его заглушили удары моего сердца.

– Так что же, капитан? – вызывающе поднял бровь Эска. – Ты готов сразиться со мной за пост предводителя Вторых Клинков?

– Да, – сказал я, хотя сердце выкрикивало другой ответ. – Я не позволю тебе навлечь на Торинов такой позор.

Я вытащил из ножен на бедре первый клинок, а потом и второй.

– Это глупо, – сказал Йитти, вставая между нами вместо отсутствующего старейшины. – Нам и без того хватает проблем.

– Отойди, Йитти, – рявкнул Эска, вытаскивая вторую саблю с выгравированной на клинке молитвой Нассусу. – Если с тобой что-нибудь случится, ты сам себя не залатаешь.

Йитти поморщился, пригладив волосы, и отошел в сторону, так что передо мной остался только залитый светом костра Эска. Клинки с шумом расступились и оттащили бревна и седельные сумки, дав нам побольше места и покрикивая на остальных, чтобы поторопились. Подошли новые люди, образовав круг у костра, все толкались, перешептывались и отпихивали друг друга, а в это время в их умах шла другая битва. За кем они готовы следовать? Кому желают победы?

Эска облизал губы.

– Боги на моей стороне, – выкрикнул он в темноту. – Я поведу Клинков домой и буду драться за Торинов, а не против них, за новый мир, а не против него, потому что, сколько ни кричать и ни метаться в темноте, это не мешает наступлению завтрашнего дня.

Мне стоило бы тщательнее подбирать слова, но охваченный ужасом мозг закрутило в водовороте мыслей. Сейчас мне может наступить конец, здесь, на чужих каменистых берегах, вдали от родного дома. Лучше умереть, чем быть изгнанным и одиноким, но я цеплялся за жизнь, как за клинки, которые никогда еще меня не подводили.

– Боги на моей стороне, – выплюнул я первое, что пришло в голову. – Потому что, какие бы ни грянули перемены, мы по-прежнему левантийцы, мы наездники, воины и кочевники, мы из рода Торинов и не сдаемся!

Слова вышли неуместными, но никакие слова не смогли бы унять ноющее сердце. Оно заболело еще сильнее, когда друг моего детства шагнул вперед, закрутив сначала один клинок, а потом второй, так что сверкнули гравированные лезвия. Никаких одобрительных криков. Все Клинки наблюдали молча, задержав дыхание.

Еще один шаг. Еще один взмах. Я стоял с клинками наготове и ждал, когда он нападет.

Я капитан Торинов. Боги на моей стороне. Я капитан Торинов. Боги на моей стороне. Я...

В мое лицо полетели угли и пепел, и Эска бросился на меня сквозь это жалящее облако. Я пригнулся, но острие одного клинка скользнуло по моему плечу, а уголек задел лицо. Я зашипел и отпрянул. Эска последовал за мной.

– Ну давай же, Рах. Капитан Таллус говорил, что ты лучше меня. Так докажи.

Он высоко замахнулся, а я отбил второй его клинок, и, когда лязгнула сталь, все мысли улетучились. Подстегиваемый яростью, я оттолкнул его, клинки рассекли воздух. Его сабля задела мой бок, моя – его руку. Мы кружили, не спуская друг с друга глаз.

Цель не на острие меча, а в глазах. Так всегда говорил капитан Таллус.

Брови Эски дернулись, и он бросился вперед. Я пригнулся и отвел его клинок снизу, а свой вонзил ему в бедро. Брызнул ручеек крови. Эска мог бы сдаться, но прыгнул, как песчаный кот. Я потерял равновесие, и сталь чиркнула по моему бедру, прорезав кожаные штаны. Я в отчаянии отбил второй удар с такой силой, что сабля выскользнула из моей потной руки, утянув и клинок Эски. Клинки шлепнулись на землю за алеющими остатками костра.

Согнувшись пополам, Эска расхохотался, одной окровавленной рукой сжимая оставшийся клинок, а другой держась за непонятно откуда взявшуюся рану на боку.

– Сдавайся! – выкрикнул я с колотящимся сердцем и тяжело дыша. – Это твой последний шанс.

Он лишь засмеялся громче, и в полной тишине хохот прозвучал жутковато.

– Сдавайся.

– Нет.

Он взмахнул саблей над моей головой, я упал и перекатился по шипящим углям, наполнив воздух клубами дыма. Я ткнул клинком вслепую дрожащей рукой и чуть не выронил его. И услышал вздох. Эска снова засмеялся, тихо и хрипло.

– Чтоб тебе пропасть, Рах, – сказал он, и смех перешел в кашель. – Пошел ты в задницу.

Выгравированные на моем клинке молитвы скрылись в его животе и вышли с другой стороны, у его руки с охотничьим ножом.

– Мне жаль, – выдавил я липкими от крови губами.

Он опять рассмеялся.

– А мне нет.

Он нацелился ножом мне в горло. Удар должен был меня убить. Мы должны были умереть вместе, но близость смерти, как ничто другое, наполняет энергией чистого ужаса, и я сбросил с себя Эску и откатился. С глухим шлепком Эска рухнул в остатки костра. Темноту ночи наполнило шипение, вонь паленых волос и кожи.

Послышались крики. Торопливый топот ног. Кто-то похлопал меня по щеке.

– Капитан? Капитан! Проклятье, да принесите же факел!

То ли факел зажгли моментально, то ли я отключился, потому что, открыв глаза, увидел пылающий дегтярный факел. Он был воткнут в землю рядом с Йитти, чьи шершавые руки скользили по моей груди, отчего мне хотелось поскорей умереть.

Я простонал.

– Ты еще жив, капитан, – сказал он, – но мне придется тебя зашить, так что еще не все закончилось.

– А Эска?

– Мертв.

Глупый вопрос. Конечно, он мертв.

– Кишава собирается освободить его душу.

– Не нужно.

Только боги знают, почему я это сказал. Мне меньше всего хотелось отрезать Эске голову этой ночью, но заставить это делать кого-то другого...

– Не нужно, капитан?

– Не нужно. – Его игла неожиданно впиалась мне в кожу, и я заскрежетал зубами. – Я сам это сделаю.

– Сегодня ночью ты не в состоянии что-либо сделать.

– Да будь ты проклят, Йитти! – рявкнул я. – Зашей меня, и я все сделаю.

Он не ответил, но крикнул остальным, продолжая меня зашивать. Я закрыл глаза, стараясь сосредоточиться на окружающих звуках, на голосах и разговорах, на шорохе шагов и фыркание лошадей, встревоженных запахом крови. Я приказал Оруну выгулять их и успокоить – по крайней мере, мне показалось, что приказал. При каждом уколе иглы и жжении протягиваемой нити все расплывалось перед глазами.

Зашив меня и промыв ожоги, Йитти оставил меня в одиночестве. Остальные Клинки давно вернулись к тем занятиям, от которых их отвлекли, хотя относительная тишина в лагере предполагала, что большинство спит. Мне и самому хотелось только спать, но сон придется отложить еще ненадолго.

Йитти оставил потрескивающий факел, и в мерцающем круге света лежал Эска. Его глаза под полуопущенными веками уставились в пространство, и хотя лицевые мышцы ослабли, его гордость никуда не делась. То ли от обмана зрения в неровном свете, то ли от усталости, но мне показалось, что Эска насмешливо улыбнулся, как только я поднял его голову и положил себе на колени.

Руки у меня тряслись, когда одной ладонью я взял его за голову, а другой сжал нож. Тело еще не остыло и не окоченело, и после первого надреза на землю между моими коленями хлынула теплая кровь.

– Ну и дурак же ты, – сказал я, пытаясь сосредоточиться на своей задаче, но взгляд то и дело возвращался к его лицу. – Ты мог бы сдаться.

Хотя на его лице не было ни кровинки, я с легкостью представил, как его губы шевелятся в мерцающем свете.

– Как и ты, – ответил бы он. – Но раз ты не хотел сдаваться, то и я тоже. Мы всегда были глупцами.

Сопя от натуги, я перерезал ему горло. Человеческое тело настолько же завораживающе крепкое, как и хрупкое. Глаза защипало от слез. Так не должно было случиться. Ведь мы вместе были седельными мальчишками, а когда подросли, вместе тренировались, учились, ели и спали рядом. Я считал членом семьи каждого Торина, но Эска был мне ближе всех.

– Помнишь тот день, когда мы разбили чашу главного гуртовщика? – сказал я, разрезая последнюю полоску кожи и переходя к плотным мышцам вокруг хребта. – Нам не полагалось находиться в его шатре. Не помню, как мы там оказались, наверняка набедокурили, ты вечно впутывался в неприятности. Я наткнулся на стол, и он упал. До чего же я перепугался! Я не признался тебе, как испугался, что меня вышвырнут и мне придется бродить в одиночестве по степи, собирая объедки, но ты наверняка и сам это понимал. Я был так напуган, что даже не мог солгать, а ты... – Я вонзил острие ножа в сухожилие. – Ты свалил все на пса, который повсюду таскался за Аристасом, и тебе поверили, потому что ты умел соврать так, что и Мона со своими весами не вычислит. И вечно улыбался.

Не знаю, засмеялся я или заплакал, но, когда я рассекал хребет Эски, слезы затуманили мне зрение. Скользкими, трясущимися руками я возился дольше обычного, но вскоре он получил возможность встретиться с Моной, и на его губах уже играла улыбка.

Глава 3

Кассандра

Он испустил последнее дыхание меж влажных губ. Звук был умиротворенный, даже изящный, ничего общего с тем ужасом, который я натворила. Выкатившиеся из орбит глаза. Кровь. Слюна. Сперма. На складках жира блеснул пот. Член был еще напряжен, но это вполне в порядке вещей.

«Может, не стоит на это смотреть, Кассандра?»

Ага, *Она* снова здесь. Я отвернулась – не ради нее, а потому что мертвая плоть, как обычно, затянула свой призыв, это выводит из себя куда сильнее, чем кровь или кишки.

У меня не было времени как следует подготовить маршрут для отхода, но теперь я наконец-то осмотрела комнату. Без учета трупа это было роскошное пространство с бархатом, шелками и бахромой, вездесущей бахромой, но ни позолота, ни изящная мебель не могли скрыть вонь.

«Если бы ты с ними не трахалась, в комнате и не воняло бы».

– Заткнись.

Я вытерла нож о расшитую... штоковину, переброшенную через спинку кресла.

«Наверное, стоит целое состояние. Похоже на кирианскую работу».

– Заткнись.

Конечно, *Она* не заткнулась. Как обычно.

Влажное облачко городского смрада из распахнутого окна боролось с мерзкой вонью затхлых духоб, вина и совокупления. На улице раздавался гомон голосов. В полнолуние на ночных базарах всегда многолюдно, народ толкается, пытаюсь протиснуться к лоткам с лучшей снедью. В животе у меня заурчало.

«Что, так и будем тут прохлаждаться? Может, тебе и все равно, но мне не хочется, чтобы меня схватили».

Я хмыкнула, застегнула ремень и сунула кинжал обратно в ножны.

– Вряд ли сюда ворвутся слуги, он же занят, – тихо сказала я, подходя к его туалетному столику – очередному позолоченному предмету мебели с огромным зеркалом, в котором отражалась половина проклятой комнаты. Ящик открылся так плавно, словно сделан из фетра, и я увидела аккуратно разложенные драгоценности. Карман моего плаща не вместил бы много, не привлекая внимания, и потому я взяла только самые мелкие и легкие предметы. Несколько колец с большими камнями, несколько богато декорированных булавок и медальон с купеческим гербом. Никогда не угадаешь, что может пригодиться.

Одеваясь, я хихикала и болтала с трупом – на случай, если кто-нибудь из слуг подслушивает, а потом завернулась в плащ и пошла к двери. Сумрачный коридор был пуст – по крайней мере, людей в нем не наблюдалось, хотя наверняка кто-нибудь подсматривал. Слуги вездесущи и все видят, и никому из них не платят достаточно хорошо, чтобы они хранили секреты хозяйина.

Первого слугу я встретила на лестнице. Юноша подчеркнуто отвернулся и пробормотал молитву.

– Шлюхи не заразны, – сказала я, проходя мимо, но тот лишь отвернулся еще сильнее и поежился.

Из-за насаждаемой моды к архаичным ценностям я уже могла и не утруждаться прятать лицо под большим капюшоном.

Молодой человек быстро прошмыгнул мимо.

«Наверняка идет в комнату хозяйина, – сказала *Она*. – Беги!»

Пока он не закричит, времени на то, чтобы сбежать, будет еще достаточно. Я спустилась по лестнице все той же по-королевски неспешной походкой. У входа прыснул врассыпную кружок горничных, одна девушка даже спряталась за позолоченной колонной. Как жалко это выглядит. Старый развратник наверняка поимел каждую из них, а они по-прежнему считают нечистой меня. Да им повезло, что я вычеркнула его из числа живых.

«Точно, их жизнь наверняка улучшится, когда они лишатся хозяина и жалованья».

Два лакея открыли парадную дверь особняка, и через расширяющуюся щель прокрался лунный свет и уличный шум – крики лоточников с большого ночного базара, ритмичный перестук копыт по мостовой и вездесущий перезвон смеха. Город Женава не спал во все времена года, а его ритм не замедлялся даже в разгар лета. Хотя было уже за полночь, по улицам перемещались кареты и портшезы, а мальчишка-фонарщик на тротуаре освещал путь разодетым гулякам. Я спустилась по лестнице в городскую суету, так рассчитав шаги, чтобы влиться в толпу и раствориться в ней.

Но, естественно, жизнь нарушила элегантный план отхода. У подножия лестницы остановился портшез, перегородив мне путь, и оттуда вылез мужчина в серой рясе с поясом и высокой маске первосвященника, закрывающей лицо. С ним вместе были два охранника в сером, они покосились на меня, но не потянулись за оружием. Первосвященник тоже оглядел меня сквозь узкие щели маски. Я резко вдохнула и задержала дыхание. Сердце заколотилось, словно я опять в богадельне, под злобным взглядом отца Олдема, но, поравнявшись со мной на лестнице, первосвященник лишь кивнул и пошел дальше.

Я поспешила вниз, к портшезу, быстро преодолев последние ступени, и сунула монетку в руку переднему носильщику.

– В Тимпани. И побыстрее.

– Как изволите.

За мной со щелчком захлопнулась дверца, и портшез дернулся вперед так, что меня отбросило на подушки сиденья.

«Ты что, украла портшез у первосвященника?»

– Конечно нет, у них же нет ничего своего. Они перемещаются на нанятых экипажах, притворяясь бедняками. – Внутри и впрямь пахло священником – затхлостью вперемешку со свежестиранным бельем и цветочным маслом. От отца Олдема пахло так же. – Он понял, кто я, – сказала я, посмотрев через окно на опустевшую лестницу. – Он же кивнул с благодарностью, верно?

«Ты правда задаешь мне вопрос?»

– Нет, это просто мысли вслух.

За работу мне заплатили приличную сумму, но мне совершенно не хотелось помогать священникам.

Носильщики прибавили хода, петляя по запруженной народом улице, и меня кидало из стороны в сторону в моей клетушке, пришлось схватиться за свисающую с крыши кожаную петлю. Я заскрежетала зубами. Первосвященник явно знал, кто я такая, или распознал мои намерения, но все же не остановил меня. Знал ли он, что наткнется на тело лорда Эритиуса? Опадет ли его член до прибытия священника?

«Ты просто отвратительна».

В голенище моего сапога лежала маленькая фляжка, и хотя я знала, что в ней пусто, но все равно вытащила, откинула крышку и опрокинула. На язык попала лишь одна капля, внушив надежду на спасение, но этого оказалось недостаточно, чтобы заткнуть *Ее*.

«Эта дрянь нас убьет, Кассандра. Прекрати это пить».

Нас. Если бы во фляжке была жидкость, я бы осушила ее одним глотком. А вместо этого сунула обратно в голенище и уставилась на проплывающий мимо город, лихорадочно теребя завязки на капюшоне. За окном мелькали вспышки света из дверных проемов, а мерцающий

шелк плащей отражал блики фонарей и факелов. Чем дальше от особняка лорда Эритиуса, тем улицы становились темнее и уже, но даже в пустынных переулках я ничего не могла с собой поделать и оглядывалась – не следуют ли за нами Священные стражи. Я никак не могла выкинуть из головы тот легкий кивок благодарности.

Наконец портшез остановился на просторной площади рядом с базаром Тимпани. Обычно она пуста, не считая нескольких слоняющихся пьяниц и скучающих шлюх, а сегодня была набита битком, и не просто бедняками из близлежащих кварталов, но и горожанами разного достатка, подлинное смешение классов, весьма необычное для такого большого скопления народа.

Не дожидаясь, пока носильщики откроют дверцу, я проделала себе путь плечом, а высокие каблуки сапог скрипнули по камням. В аристократических районах Женавы лорды платят мальчишкам за уборку лошадиного навоза, а здесь все деньги уходят на еду, кров и Пойло.

Прежде чем передний носильщик успел снова взяться за жердь, я сунула ему в ладонь еще одну монету.

– За молчание.

Его грудь вздымалась от натуги, а лицо заливал пот, но он кивнул.

– Конечно.

Вот и все, потому что в Женаве все продается и покупается.

«В особенности ты».

Это был старый спор, и вместо ответа я начала протискиваться сквозь гудящую толпу. Люди, похоже, чего-то ждали и время от времени приподнимались на мысках, рассматривая противоположную сторону площади, а потом что-то шептали соседям. Никто меня не остановил. Никто не заговорил со мной. Никто даже не высказал недовольства, когда я пролезала вперед, и когда я добралась до входа на базар, мое любопытство достигло пика, так что я залезла на открытые железные ворота, чтобы осмотреться. И как по заказу, словно сегодня вечером меня повсюду преследуют божьи люди, в дальнем конце площади я увидела шестерых Священных стражей, по обе стороны от сидящего на мостовой человека. На нем была такая же маска первосвященника, но ни один первосвященник не сел бы на землю, чтобы благословлять простолюдинов.

«Должно быть, это доминус Лео Виллиус, – сказала *Она*, и ее голос влился в перешептывания толпы, когда какая-то женщина опустилась перед тем человеком на колени и протянула ему ребенка. – Я слышала, теперь он поступает так почти каждый вечер. Вряд ли его отец этому рад».

– Ты слышала? Каким образом ты можешь услышать то, чего не слышу я?

«Просто ты не всегда внимательна. А мне нравится слушать других людей, твои мысли порой утомительны».

С минуту посидев со склоненной головой, женщина встала и подняла ребенка, беспрерывно кивая в благодарности, а ее место занял молодой человек в богатой одежде.

«Если Девятка хочет воевать, они очень скоро постараются избавиться от него, иначе он станет слишком влиятельным, как и его голос в поддержку мира».

– Защитник бедных?

«Что-то в этом роде».

Молодой человек поднялся, все так же молча выражая благодарность, и его место занял другой, но в это время доминус Лео Виллиус поднял голову. И несмотря на узкие глазные щели в маске, я была уверена, что он смотрит на меня, настолько уверена, что моя кожа покрылась мурашками, а сердце заколотилось, прямо как в особняке лорда Эритиуса. Народ начал крутить головами, любопытствуя, что привлекло внимание Лео Виллиуса, и я спрыгнула с ворот, еще сильнее натянув на лицо капюшон, как будто это что-то изменит.

«Он не мог нас видеть».

И снова «нас», это мерзкое слово, но я оставила его без внимания и поспешила через ворота на суматошный базар Тимпани. И почти тут же растворилась, влилась в толпу нищих, рабочих и других шлюх, а звуки тысяч живых существ поглотили меня целиком. Но все же при воспоминаниях о том взгляде кожу опять защекотали мурашки, а сердце гулко заколотилось. И тут меня громко окликнули лежащие где-то поблизости мертвецы, с полдюжины покойников. Это были не просто голоса. Не крики. Такой звук не может издавать ни одно живое существо. Они в отчаянии звали меня. Но что им так отчаянно нужно? Они же мертвы. Разлагаются. С ними покончено. Что им могло понадобиться?

Лично мне нужно Пойло. И побыстрее.

Я быстро пробиралась по узким, запруженным народом проходам между лотками, зданиями и сколоченными на скорую руку хибарами. Небритые мужчины напрашивались на драку, женщины несли вопящих младенцев, покрытые грязью вместо одежды дети носились вокруг, выхватывая у прохожих кошельки. Отбросы женского общества.

Джерго сидел у своего лотка, как обычно, в уголке между хлипким шатром из старых простыней и попон и другим лотком, за которым сидела женщина, провожающая взглядом каждого, кто молча проходил мимо.

– А, это ты, – сказал он, вместо приветствия слизывая жир с искривленных странным образом пальцев. – Что твои пронырливые глазки нашли в канаве на этот раз, красавица моя?

Я вытащила из кармана плаща горсть драгоценных булавок и колец и высыпала их на потрепанный кожаный коврик в центре стола. Дешевые безделушки и всякий мусор выселись рядом, как горы вокруг озера, и Джерго каким-то образом умудрился ничего не задеть, когда, словно ястреб, поднес к моим сокровищам монокль, вдетый между морщинистой щекой и кустистой бровью.

– Какие прекрасные вещи люди теряют на улицах, – сказал он, поднимая каждый предмет и переворачивая так и сяк, одно кольцо даже куснул, проверяя на прочность. – Как печально.

– Еще бы.

Я огляделась, убедившись, что за мной никто не шел. Издалека доносились слабые звуки музыки, призывающей живых, как мертвые призывали меня. Я сильнее натянула капюшон плаща и чуть снова не вытащила фляжку – просто для верности.

«Тебе нужна помощь, Касс».

– Да, – сказала я. – Это точно.

«Мы говорим о разном».

– В чем дело, красавица моя?

Джерго поднял голову. Его глаз за моноклем выглядел крупнее второго.

– Просто разговариваю сама с собой, пока ты замешкался, старик.

Он хохотнул.

– Был бы я на двадцать лет моложе...

– Я все равно была бы слишком хороша для тебя, так что тебе же лучше, что ты стар.

Он снова хихикнул и отложил булавку.

– Ну ладно, красавица, дам тебе по шесть за каждую булавку и по девять за кольца.

– Пусть будет семь и двенадцать, и мы договорились. Один сапфир стоит вдвое больше.

– Да уж, шлюхи разбираются в драгоценностях. Ладно, красавица, но только потому, что ты моя лучшая клиентка и все равно отдашь мне половину, правда ведь?

– Пожалуй, не сегодня, – сказала я.

Он вытащил запертую шкатулку, снял с шеи ключ и открыл ее.

– О да, можешь сколько угодно болтать, что пойдешь к другому продавцу, но мы оба знаем – лучшей цены ты не найдешь, как и другого такого безопасного места.

«Не надо. Забирай деньги, и мы уходим».

Мы.

– А пожалуй, и да, – сказала я Джерго. – Зачем зря тратить время на поиски другого продавца?

– Так сколько тебе, красавица? Как обычно, две квартиры?

– Пусть будет четыре. Нет... шесть. Не знаю, когда я снова вернусь. Уезжаю из Женавы по делам.

Еще один смешок обозначил его удивление.

– Но как же я буду проводить вечера в одиночестве, без надежды увидеть тебя, красавица моя?

– Думаю, ты справишься.

Когда Джерго вычел из общей суммы цену шести квартир Пойла, я вмиг пересчитала оставшиеся деньги – хватит на горячий ужин и ночлег у мамыши Геры, да и только. Джерго протянул деньги, и я сунула все монеты кроме одной во внутренний карман, подальше от шаловливых рук. Последнюю монету я уронила, и, пока Джерго пространно извинялся за неуклюжесть, я опустилась на колени перед лотком и пошарила под драной скатертью. Там стояли шесть квартир в запечатанных воском склянках. Две я убрала в карманы, еще одну заткнула за пояс, втянув живот, а остальные придется нести под складками плаща.

– Ничего страшного, – сказала я, выпрямляясь с зажатой между пальцами монетой. Склянки звякнули друг о друга. – Большое спасибо, Джерго.

– Все, что пожелаешь, красавица моя, все для тебя. – Он перегнулся над высящейся на лотке горой хлама. Я вложила в его руку свою и позволила ему поцеловать мою ладонь – это всегда меня смешило. – Береги себя, – сказал он, выпуская мою руку. – Не заставляй старого Джерго волноваться.

– Вот еще. Я прекрасно могу о себе позаботиться.

Сверкнув в его сторону улыбкой, я опять слилась с толпой, став невидимкой. Пансион мамыши Геры был недалеко, но из-за торчащих тяжелых кувшинов передвигаться было сложновато. Широкими плечами и грузными шагами я напоминала ходячий шкаф, да еще к тому же слишком часто оборачивалась, чтобы посмотреть, не следят ли за мной.

Только запах пряных лепешек не позволил мне направиться прямо домой. За одним из лотков проворно работали старик с сыном, едва успевая обслуживать покупателей. Сын брал деньги и вручал лепешки, а отец готовил. Он скатывал шарик теста, кидал его на жаровню, присыпал специями и переворачивал, а потом процесс начинался сначала. Лепешка была почти готова, но я не встала в очередь, а втиснулась между лотками и, прикрыв ладонь рукавом, выхватила лепешку из щипцов старика.

– Эй!

Выпуклость на бедре вовремя дала ему понять, что у меня есть кинжал, и я улыбнулась.

– Премного благодарю!

«Нельзя же красть еду!»

Я простонала, но, зажав лепешку в зубах, сумела вслепую нашарить во внутреннем кармане пару монет и бросила их в миску. Не обращая внимания на доносящиеся вслед неодобрительные возгласы, я пошла дальше.

– Как же ты меня раздражаешь, – сказала я. – Они бы позволили мне уйти не заплатив, мы могли бы сэкономить.

«Но так нельзя. Мы же выше этого».

– Да, но все равно это раздражает.

* * *

Мамаша Гера открыла дверь только после моего настойчивого стука, насупилась и шагнула назад, пропуская меня внутрь.

– Мне оставляли сообщения? – спросила я, пока она закрывала дверь на засов, а потом топала обратно за свой стол в крохотной каморке.

– Только одно – от меня. Плати или убирайся.

– Я принесла твои деньги.

Я бросила недоеденную лепешку на стол перед ней и начала рыться в кармане.

– Это еще что?

Она оглядела мою еду, словно это был труп какого-то зверька.

– А на что похоже? – отозвалась я, пытаюсь ухватить стремящуюся выскользнуть из пальцев монету. – Это лепешка. Только с этой стороны плохо прожарилась, так что можешь забирать.

С ее лица пропало удивление, и так она стала больше похожей на саму себя – вечно раздраженную особу.

– Вот спасибо, не откажусь, если тебе не надо. – Она протянула руку, и я высыпала в ее ладонь почти все монеты, которые получила от Джерго. Мамаша Гера пересчитала их. – Все равно не хватает на сегодняшнюю ночь.

– Тогда принесу остаток завтра. Должна же девушка чем-то питаться.

– Девушка должна лежать на спине и раздвигать ноги, чтобы больше зарабатывать, да и ты давно не девушка.

– Когда я доделаю свою работу, то смогу заплатить тебе за целый год, – сказала я, проигнорировав колкость.

Мамаша Гера хмыкнула.

«Теми деньгами, которые Джерго дал тебе за драгоценности, мы могли бы заплатить как минимум за сезон».

– У тебя гость, – сказала мамаша Гера, постукивая пером по своему любимому гроссбуху.

Никто не хотел, чтобы его имя появилось в этой тетради. В умелых руках эти записи могли бы разрушить карьеры многих людей.

– Гость? Кто?

Она покачала головой.

– Не знаю. Вообще-то, я не должна была тебе говорить, так что постарайся изобразить удивление.

Под ее глазами были темные круги, но по равнодушному лицу ничего невозможно было прочесть. Я не пошла к лестнице, и тогда мамаша Гера прекратила возиться с пером и приподняла уголок губ в кривой улыбке.

– Ты не особенно мне нравишься, – изрекла она. – Но ты молодец, и я сразу вижу, когда у девушки неприятности. А еще я знаю, что, когда девушка несет под плащом Пойло, лучше предупредить ее, чтобы не выронила от неожиданности и не разлила на моем полу. – Я была ей благодарна за предупреждение, но все равно мысленно прокляла, потому что она получала удовольствие, когда я была чем-то ей обязана. Она снова занялась пером. – Ты же не обокрала лорда Эритиуса?

– Конечно нет. – У меня засосало под ложечкой. – Я же профессионалка.

– Надеюсь, в следующий раз ты заплатишь полностью, – сказала она с той же полуулыбкой. – Иначе придется отдать всех твоих клиентов Сарие. Я не даю четвертых, пятых и шестых шансов.

Я направилась к лестнице.

– Кассандра!

– Что?

– Правильно разыграй эту карту, и обеспечишь себя на всю жизнь. Ты ведь не молодеешь. Твоя красота начинает увядать.

«Именно это я и твержу тебе последние пять лет, – проворчала *Она*, пока я поднималась по лестнице. – Теперь на улицах на нас уже не так часто оглядываются».

– Заткнись.

Преодолев первый лестничный пролет, я остановилась, чтобы спрятать Пойло под столиком. Скрипнули половицы, не оставив мне времени на что-либо еще, я по-быстрому сунула вниз склянки и понадеялась, что никто не увидел.

Наверху в коридоре тянулись двери, ведущие в комнаты других женщин, все были закрыты, за исключением одной. Моя была чуть приотворена, и из нее лился такой яркий свет, что коридор, казалось, искривлялся. Меня кольнул страх, но ни в моей комнате, ни где-либо в доме не было мертвецов, хотя с улицы ко мне взывали два трупа. Один лежал там уже несколько дней, а другой был новым. Нужно бы сказать мамаше Гере, но дети в богадельне прозвали меня чокнутой, дьявольским порождением смерти, и я рано выучилась никому не доверять и никому не рассказывать. Несмотря на зуд дурных воспоминаний, я толкнула дверь с фальшивой беззаботностью.

На единственном шатком стуле в углу сидел мужчина, наклонившись к лампе, как будто увлекся книгой, которую держал в руках. Моей книгой – единственной, которую я взяла с собой из дома.

– Интересное чтение для интересной женщины.

Он поднял голову, и половину его лица позолотил свет от лампы. Совершенно непримечательного лица. Белесые брови и ресницы и не привлекающие внимание черты.

– Ага, вот наконец-то и госпожа Мариус. – Он поднялся, чтобы меня поприветствовать, и стул закрипел. – Осмелюсь сказать, что вы еще прекрасней, чем утверждали слухи. Весьма удивительно. Обычно мало что превосходит мои ожидания.

– Как грустно.

– Еще как. – Он оценивающе оглядел меня с головы до пят. Все мужчины так поступают при встрече со шлюхой, хотя я привыкла к таким взглядам задолго до того, как выбрала эту профессию. Он улыбнулся. – Старше, чем я ожидал, и это тоже удивительно и совершенно очаровательно.

Я изобразила приветливую улыбку.

– Вы кто?

– Мое имя не имеет значения.

– Тогда чего вам надо, господин Не-имеет-значения?

– Я хочу, чтобы один человек умер.

– Любой? Например, вы?

Он поднял брови.

– Вы уже хотите увидеть меня лежащим бездыханно на этом полу?

– Я не люблю загадки и сюрпризы, а тем более незнакомцев, чье имя не имеет значения, поджидающих в моей комнате. Видно, вы немало заплатили мамаше Гере.

– Ни единого медяка.

При этих словах я помедлила, оглядев его с ног до головы. Если он не заплатил, то его имя должно иметь значение, еще какое, как бы он ни утверждал обратное.

– Чего вы хотите?

Он шагнул ближе и застыл прямо передо мной. В моей комнате в пансионе мамыши Геры едва вмещалась узкая кровать, стул и старый шкаф с одеждой для работы – роскошными платьями для достойных мужчин, но как бы ни была мала комната, ему не было нужды подходить так близко.

– Я ведь вроде уже сказал, госпожа Мариус. Я хочу, чтобы один человек умер.

Я подавила желание сделать шаг назад, хотя мне не нравилось, что его бесстрастное лицо находится так близко. Вблизи его глаза внушали ужас.

– Почему бы вам не поговорить с мамашей Герой? Она этим займется. Так безопаснее. Для нас обоих.

– Нет. Я люблю вести дела именно так, госпожа Мариус. Лицом к лицу. Глаза в глаза. И прежде чем вы спросите, я выбрал вас, потому что вы сможете выполнить мое задание без лишней суеты. Это ведь вы заключили контракт на убийство молодого человека, путешествующего под вымышленным именем «лорд Ториус»?

– Я не обсуждаю свою работу ни с кем, кроме мамыши Геры.

Он снова едва заметно улыбнулся.

– Разумеется. И все же я знаю, что лорд Эритиус должен был сопровождать этого лорда и позаботиться о том, чтобы он благополучно пересек границу и въехал в Кисию, а вы недавно убили лорда Эритиуса, и его место займет кто-то другой. Тот, кто наймет вас горничной и расчистит вам путь, а вы прикончите того юношу, как только пересечете границу. Нет... – Он поднял руку, пресекая мои возражения. – Нет необходимости отвечать. Я знаю, что вам заплатили за молчание. Учитывая масштаб задачи, я не сомневаюсь, что оплата будет... значительной.

Я пыталась не подавать виду, насколько все это выбивает меня из колеи. Незнакомец знал такие подробности, которые явно просочились из источника, не подвластного моему контролю.

«Я же говорила, что тебе лучше отказаться от этой работы, – сказала *Она*. – Говорила, что от нее за версту несет политикой и неприятностями».

– И кого же я должна для вас убить?

– Слугу, путешествующего под именем Джонуса, с которым вы будете работать бок о бок на пути к границе. Мне нужна его голова.

Незнакомец стоял все на том же месте, и мне все труднее было выдерживать его взгляд.

– Слугу? Все это из-за какого-то слуги?

– В часовом механизме важно даже самое мелкое колесико.

Я заглянула ему через плечо в темный угол комнаты.

– А если я откажусь? Если мне предложили столько денег, как вы говорите, мне не понадобится ваша работа. Она лишь... все усложнит.

– Не думаю, что вы откажетесь. И я не предлагаю вам деньги.

Я снова перевела взгляд на его невзрачные черты.

– Вот как? Будете мне угрожать? Или тому, кто мне дорог? Если вы обнаружите такого человека, я могу вас поздравить.

Его плечи затряслись от легкого смеха, и он наконец-то отодвинулся.

– Мне это и в голову не пришло, – признался он. – Но вы, несомненно, столь же бесщедны, как и красивы.

– Благодарю.

– Это не комплимент.

– Еще какой комплимент, когда вы разговариваете с проституткой, попутно убивающей людей.

– Возможно. Нет, я не собираюсь заставлять вас силой, вместо этого я дам вам... Знахаря.

«Нет!»

– Я знаю, где его можно найти.

Его осведомленность о том, что я разыскиваю Знахаря, встревожила меня даже больше, чем его осведомленность о моем задании.

– Мы старались не вмешиваться, – продолжил он. – Но за таким человеком следует присматривать. Если вы исполните контракт, то встретитесь с ним.

«Не соглашайся!»

Знахарь. Для большинства это имя ничего не значило, оно упоминалось только в страшных сказках для детей – человек, который забирает людей из постелей и уносит навсегда, который пришивает свиные головы псам только ради любопытства. Но персонажа из сказок не

объявят вне закона, не проклянут, не назовут врагом Единственного истинного Бога. Он был реален – человек, способный вернуть мертвых к жизни, мог дать мне то, чего я желала больше всего на свете.

Покой.

«Прошу тебя, Касс, не соглашайся. Только не это. Пожалуйста».

Конечно, *Она* все знала, ведь ни одна мысль в моей голове для нее не секрет.

Свобода. Тишина.

– Договорились, господин Не-имеет-значения. Я убью этого Джонуса, прежде чем мы покинем Женаву.

– Нет.

– Нет?

Он снова подошел ближе.

– Он должен уехать вместе с остальными. Только не должен прибыть на место. Лучше всего убить их одновременно.

Непросто, но стоит попробовать ради возможности освободиться и получить кучу обещанных денег.

– Ладно, они умрут одновременно, – сказала я. – Еще что-нибудь?

– Нет, госпожа Мариус, больше ничего.

– Тогда скажите, как мне связаться с вами после возвращения, и убирайтесь из моей комнаты.

– Вы найдете меня, просто назвав мое имя, а если вам не удастся узнать мое имя, значит, вы не так хороши, как я полагал.

– Я бы предпочла услышать ваше имя сейчас.

– Так неинтересно, госпожа Мариус. Ой, и не смотрите так сурово. До меня дошли слухи не только о вашей красоте, но и о взрывном характере. Учитывая, что многие, кто вас видел, долго не живут, я не стану пытаться удачи.

– Время еще есть. Вы еще здесь.

– И вы явно желаете моей смерти.

– Я многим желаю смерти. Ничего личного.

Он подался вперед.

– Весьма необычно для человека, чья профессия – доставлять мужчинам удовольствие.

– Это вряд ли. Вам просто повезло, что мамаша Гера не любит, когда я убиваю ради забавы. Она считает, что это неряшливо.

Он ухмыльнулся, и его лицо стало хоть немного интересным.

– Обычно так со мной не разговаривают. Так что я рад, что не назвал вам свое имя. Быть может... – Он провел пальцами по моему бедру. – Быть может, когда вы закончите свою работу, я снова получу удовольствие от вашего общества. Надеюсь, мамаша Гера не сочтет это... неряшливым.

– Не сочтет, пока вы платите.

Его ухмылка стала шире.

– Вряд ли мне придется платить. – Он опустил руку и шагнул назад, поклонившись, как слуга хозяину. – До встречи, госпожа Мариус.

Глава 4

Мико

Моя стрела попала во внешний круг мишени. А вслед за ней стрела Танаки пронзила красный центр с такой силой, что острие полностью вошло в дерево.

– Танака, – сказала я, не обернувшись. – Ты еще ни разу не промазал. Будь осторожней.

– Никто же не смотрит, – отозвался он, оглядывая маленький двор. – Почему бы не стрелять как подобает?

Я опустила лук.

– Всегда кто-нибудь смотрит. Шестеро как минимум, по моим подсчетам.

– Два гвардейца, – продолжая разворот, произнес он так вызывающе, что я крепче сжала лук. – Кузнец. Горничная. И... мальчишка, подносящий стрелы. Пятеро. И среди них никого значительного.

– Шестеро, – сказал стоящий рядом с ним генерал Рёдзи, и на его императорских доспехах в утреннем свете блеснули пряжки в виде дракона. – Ваша сестра не только стреляет лучше, чем вы, ваше высочество, она мудрее. Иногда.

– Вы не в счет.

– Нет, я тоже считаюсь, ваше высочество. Шестеро.

Он махнул в сторону мальчишки, который с усилием выдернул из мишени обе стрелы.

Танака провел рукой по лицу, но не сумел стереть с него разочарование.

– Тебе не надоело притворяться, Мико?

– Еще как надоело, но я должна вести себя даже еще осторожней, чем ты.

Я взяла из бочонка новую стрелу – оттуда торчали в небо еще с десятков стрел с оперением. С годами движение стало машинальным – взять стрелу, приложить к тетиве, натянуть, отпустить. Смотреть на мишень. Встать поустойчивее. Отвести плечи назад. Я начала с самого слабого лука, тренируясь с малышами, но с тех пор прошло много времени.

Моя стрела снова попала во внешний круг – в точности куда я целилась. Это меня злило, как и всегда, но я проглотила раздражение и вытащила новую стрелу. Может быть, однажды мне станет плевать, кто за мной наблюдает и что они подумают.

Танака снова попал в яблочко и метнул в сторону генерала вызывающий взгляд.

– Если кто-то наблюдает, не хочу, чтобы говорили, будто сестра стреляет лучше меня. А кроме того, подозрительно выглядит, если никто из нас не попадет в красный круг.

Он всегда использовал то же объяснение и в точности так же улыбался, но генерал Рёдзи не убрал руку с рукояти меча, а его губы были по-прежнему сжаты в мрачную линию. Когда следующие две стрелы Танаки попали в молоко, выражение его лица осталось все таким же суровым.

– Генерал, – сказал Танака, словно разозлившись из-за хмурого взгляда Рёдзи.

– Да, ваше высочество?

– Принесите мне более тугой лук, и посмотрим, как я справлюсь.

– Мне кажется, вы к этому не готовы, ваше высочество, и, насколько я знаю...

– ...вы должны подчиняться моим приказам, так что могли бы сделать это, не вступая в спор.

Генерал Рёдзи чопорно поклонился и отправился в арсенал, его шаги влились в ритм молотка из далекой кузницы.

– Зачем ты так?

– Тс-с! – Танака схватил меня за руку, но тут же отпустил, обшаривая взглядом двор. – Была еще одна атака. Чилтейские солдаты вчера пересекли границу у перевала Тирин, но посол заявил, что это просто бандиты.

При этих словах меня словно окатили ледяной водой.

– Кто тебе сказал? Что говорит его величество?

– Что тем больше причин поскорее подписать мирный договор. Он послал за кузеном Батитой.

Я накрыла рот рукой.

– Где ты это услышал? – спросила я, почти не раздвигая пальцы. – Это точно?

– Мне сказал лорд Рой, после того как его величество ускакал сегодня утром в Насаке.

– Ты уверен?

– Официально не объявляли, но все так говорят. Знаю, ты не любишь лорда Роя, но... –

Он взглянул на арку, через которую удалился генерал Рёдзи. – Он мой самый преданный сторонник, уже столько лет. Он знает, что задумали чилтейцы. А еще он сказал, что Эдо тоже вызвали к его величеству.

– Что?! Зачем?

– Не знаю, ведь матушка настаивает, чтобы каждое утро я занимался вот этим.

Он махнул рукой на мишени.

– Хоть одно приятное занятие. Тс-с, Рёдзи возвращается.

Танака понизил голос до шепота:

– Не знаю, какую позицию занимает матушка, так что аккуратнее выбирай слова.

Я поморщилась от нашей общей боли. Когда вернулся генерал Рёдзи, я дрожащей рукой достала из бочонка еще одну стрелу. Колотящееся сердце помешало мне как следует прицелиться, и, когда я спустила тетиву, стрела вонзилась в среднее кольцо.

– Вот более тугой лук, ваше высочество, – сказал генерал, протягивая его Танаке. – Но все же не такой тугой, как остальные. Хорошо подойдет для перехода.

Пока не вернулся мальчишка со стрелами, Танака поиграл с тетивой. Он взял стрелу прямо из рук мальчика и положил на тетиву.

– Посмотрим, как пойдет.

Тетива скрипнула, когда он оттянул ее, прицелившись выше мишени.

– Тана...

Он выпустил стрелу. Раздался треск расщепившегося дерева и крик – горничная скрылась за внутренней стеной крепостного вала. Над ее головой болтался пригвожденный к дереву флаг Ц'ая – стрела Танаки торчала прямо из глаза императорского дракона.

Горничная уставилась на флаг, а меня затошнило – нужно было срочно что-то предпринять, отвлечь внимание генерала Рёдзи, и я сунула свой лук в его вялую руку.

– Пожалуй, я пойду, генерал.

Я зажала между зубами завязки кожаного нарукавника и начала развязывать их.

– Принцесса Мико Ц'ай уже сдастся? – сказал он, и я внутренне вздрогнула, когда он назвал меня полным именем, словно чтобы напомнить о семье, с которой только что так неуважительно обошелся Танака. – Мои люди расставляли мишени и седлали для вас лошадей в любую непогоду. Вы точно не желаете подольше показать свои умения принцу Танаке?

– Вам повезло, что вы мне нравитесь, генерал, – сказал Танака, как будто ничего не случилось, хотя его щеки алели. – Мальчик, принеси вон ту стрелу моей сестре, пусть она напоследок покажет себя.

Генерал Рёдзи вернул мне лук, и намек на улыбку соблазнителя частично вернул ему увядающую юность. Но осталась я не из-за улыбки, а из-за его испытующего взгляда. Я протянула к нему руку, чтобы он снова застегнул мой нарукавник. Генерал крепко затянул его одним отработанным движением, а мелькнувшая улыбка была похожа на благодарность.

Да, решила я, лучше сделать вид, что это ничего не значит. Просто мальчишеский кураж.

– Хорошо, генерал. Дайте мне задание.

В дальней арке появились два советника его величества, а подносчик стрел помчался к крепостному валу. Никто не взглянул на пронзенный флаг, советники слишком увлеклись разговором, но это был лишь вопрос времени.

– Расщепите стрелу, – сказал генерал, и я вернулась на позицию, вынимая еще одну стрелу из бочонка.

Мальчик добрался до флага и наклонился через ограждение, потянувшись за стрелой.

– Наверное, он объявит об этом на церемонии присяги, – сказал один советник.

Оба жались к стене, чтобы оставаться в тени – несмотря на ранний час, пекло уже немилосердно.

– Но здесь не самое лучшее место, – ответил другой советник.

Мне хотелось услышать больше, но они в любой момент могли поднять головы и заметить мальчишку, который пытался добраться до стрелы, торчащей из глаза дракона.

– Первый, кто расщепит стрелу, выигрывает, – произнес Танака громче, чем нужно, и прицелился рядом со мной в тот миг, когда оба советника повернули к нам головы.

– Тогда приготовься проиграть, братец, – ответила я, прикладывая стрелу к тетиве, хотя сердце билось так гулко, что я не могла сосредоточиться.

Генерал Рёдзи всегда настаивал, чтобы мы тренировались в отвлекающей обстановке. «В битве никогда не бывает тихо, – говорил он. И еще вот что: – Если целиться так долго, вас убьют быстрее, чем успеете выпустить стрелу». Но как я могла прицелиться, когда все мое внимание было приковано к мальчишке, пытающемуся выдернуть предательскую стрелу Танаки?

Я выстрелила, но в этот момент кто-то кашлянул, от неожиданности я охнула и обернулась. Рядом стояла Нилла, темное платье служанки развевалось, как взерошенные перья черного дрозда. Стрела с гулким стуком врезалась в мишень, а за моей спиной засмеялись советники. Нилла нахмурилась еще сильнее обычного.

– Ее величество желает вас видеть, ваше высочество.

Всегда приказ, а не просьба. Советники пошли дальше, но мальчишка сумел выдернуть оскорбительную стрелу и помчался обратно вдоль крепостного вала. Я снова могла вздохнуть спокойно. И все же ощущала страх, а не облегчение. До встречи с матушкой нужно поговорить с Танакой по душам.

– Скажи матушке, что я приду к ней, как только оденусь.

Горничная неодобрительно оглядела мою промокшую от пота одежду, но покачала головой.

– Она велела вам прийти немедленно, ваше высочество.

Для служанки она была чересчур настойчивой – несомненно, именно поэтому матушка и держала ее при себе. Императрица не может проникнуть повсюду, а ее горничная может. Именно это она и делала. Глаза и уши моей матери, одни из многих.

Я оглянулась на мишень. Моя стрела попала в самый край мотка веревок, и перья на конце пьяно покосились в сторону замка. Я отдала лук генералу.

– Долг зовет, – сказала я. – А теперь попробуй расщепить мою стрелу, Тана.

Он засмеялся, и улыбка на миг опять превратила его в мальчишку. Но затем он уже с серьезным выражением лица добавил:

– Позже я расскажу тебе о своем триумфе. В обычном месте.

Поскольку я не могла произнести те слова, которые хотела, то просто кивнула.

– Я отведу вас к ее величеству, ваше высочество, – сказала Нилла.

– Уж конечно, хотя я прекрасно знаю дорогу.

Служанка поджала губы и зашагала обратно к замку, предоставив мне следовать за ней через открытые двери, в суету приготовлений к церемонии присяги. До нее оставалось еще несколько дней, но в город уже начала стекаться аристократия с севера, так что нужно было все отдраить – от ширм до полов и каменных драконов, смотрящих сверху вниз на всех, кто входит

в замок. Повсюду слуги карабкались на высоченные лестницы, пытаясь стереть с потолочных фонарей годичный слой пыли. Именно эта церемония и привела императора Кина Ц'ая на север, в бывшую твердыню семьи Отако.

Замок Кой называют неприступным, его стены еще никто не преодолевал, но все же перед покоями моей матери стояли два императорских гвардейца.

– Ваше величество, – сказал один из них, чуть раздвинув дверь в ее комнату – чтобы только произнести эти слова в щель. – Принцесса...

– Пригласи ее, и пусть нас никто не беспокоит.

– Да, ваше величество.

Матушка стояла у длинного зеркала в гардеробной. Через руку горничной было перекинута алое парадное платье, а другая служанка наливала свежую воду и раскладывала гребни. Императрица Кисии была одета совсем просто, в тонкое нижнее платье, но ей достаточно было лишь посмотреть на кого-нибудь, чтобы свергнуть в дрожь. Именно так она и поступила теперь, повернув голову не с королевской грацией, а как змея, встающая в стойку перед добычей.

– Мико, – начала она. На фоне синей драпировки комнаты ее глаза казались ярче. – У меня важные новости. Присядь.

Нилла поставила на циновку маленький столик и звякнула чайными чашками. Потом поклонилась и, не дожидаясь, когда я выполню материнский приказ, разлила чай. Пар заструился на свободу.

– Не стой столбом, – сказала матушка. – Садись.

Я подчинилась, но в животе у меня словно бултыхалась рыба. Чай был слишком горячий, но я обняла чашку ладонями и позволила пару ласкать мои щеки.

– Если речь о том, что Тана попал во флаг, ваше величество, то я...

– Попал во флаг?

Возможно, та горничная все-таки ей не доложила.

– Флаг Ц'ая во дворе. Танака куражился во время тренировки.

Ее лицо прорезала мрачная складка, но она быстро отmeld дурные мысли и тряхнула нехарактерными для кисянки светлыми кудрями.

– Речь не о флаге. – Она натужно улыбнулась. – Речь о твоём замужестве.

– Моем замужестве?

– Ты не должна удивляться, Мико. Ты уже взрослая. У тебя уже три лета идет кровь.

Мои щеки зарделись, но я не стала ее прерывать.

– Я оставила тебя со мной, – продолжала она, протягивая руки, чтобы Нилла расправила складки ее нижнего платья и надела верхнее. – Ждала подходящую партию, и наконец-то время пришло.

Трясущимися руками я поставила чашку с чаем.

– И кто он?

– Доминус Лео Виллиус из Чилтея, сын его святейшества иеромонаха.

Я задержала дыхание. Уже давно шептались, что мирный договор может быть подписан только при одном условии – брака. Но то, с какой готовностью она поддержала желание его величества избавиться от меня, как быстро согласилась...

– Тебе нечего сказать? Ты не одобряешь это решение?

– Не одобряю.

Не сводя с меня голубых глаз, она сунула в широкие рукава парадного платья сначала одну руку, а потом другую. Этот взгляд мог проникнуть и сквозь плоть, и в мысли, но все же она не заметила мою сердечную боль или не пожелала ее замечать. Мне хотелось, чтобы она отвернулась.

– Не одобряешь? – сказала она, не услышав от меня объяснений. – Ты ведь еще с ним не встречалась. По всем описаниям, он добр и галантен, и, как мне достоверно известно, под маской у него вполне привлекательное лицо.

– Я не хочу уезжать из Кисии. Не хочу покидать Танаку.

Матушка метнула настороженный взгляд в сторону горничных.

– Понимаю, ты любишь брата, но заключить брак в интересах империи – это твой долг. Этот брак скрепит договор и обеспечит длительный мир. А это в наших интересах.

Отрепетированные, фальшивые слова. Я слишком хорошо ее знала, чтобы им поверить, слишком хорошо знала, что никакой брак не исцелит вражду между Кисией и Чилтеем. И матушкин головной убор, который она носит при дворе, тому доказательство. Алая роскошь, под которой она прятала свои золотистые волосы. Ее мать тоже носила нечто подобное, а мирный договор, который скрепили ее браком, не продержался и года.

Я потянулась за чаем, в надежде что он выжжет дурные предчувствия. Но ничего не вышло.

– Его величество собирается объявить придворным о моем предстоящем замужестве или отошлет меня под покровом ночи?

Она снова покосилась на служанок.

– Что за странные мысли ты вбила себя в голову, дитя. Отец никогда не позволит тебе уехать в Чилтей без соответствующей церемонии.

Отец. Она произнесла это слово с такой легкостью, и только я понимала, насколько редко она его употребляет.

– И с караваном охраны и даров? – поинтересовалась я.

– В этом нет нужды. Доминус Лео Виллиус сам приедет сюда вместе с послем для подписания договора и лично сопроводит тебя. Какая честь. Твой отец очень доволен.

И снова «отец». Слова для вездесущих глаз и ушей, а правду можно лишь прошептать в редкие моменты одиночества.

Чтобы не встречаться с ней взглядом, я взболтала осадок в чашке. Но она уже отвернулась обратно к зеркалу и распекала Ниллу за то, что служанка начала завязывать не тот пояс-оби.

– Простите, ваше величество, – сказала Нилла и трижды поклонилась, перебирая пальцами шелк. – Я принесу нужный.

Отделанная фетром дверь гардеробной открылась и закрылась. Я осталась наедине с матерью – прекрасной и жестокой женщиной, воплощающей дракона Ц'ая гораздо лучше, чем солдат-император. Ей приходилось править и сражаться, оставаясь в тени, ее в равной степени боялись и насмехались над ней. Шлюха. Чудовище. Богиня. Императрица Кисии Хана Ц'ай, последняя из Отако.

Не считая нас.

Матушка подошла ближе и сжала мое запястье, перегнувшись над чайным столиком.

– Мико, – прошептала она. – Из-за того происшествия на Полях Шами его величество решил ускорить события. Лео Виллиус уже на пути сюда.

– Уже...

Я на мгновение закрыла глаза, чтобы сдержать слезы разочарования. Бессмысленно говорить, что я не хочу за него замуж, не желаю покидать родину и брата, покидать ее и ехать на север через границу, в земли ненавистных чилтейцев, чтобы стать там верной женой и матерью, и никем больше, ведь она и так все понимала, хотя я никогда ей не рассказывала.

– Я не хотела тебе такой судьбы, – продолжила она, крепче сжимая мою руку и поглядывая на дверь. – Но иногда лучше смириться с судьбой. Лучше выжать из этого все возможное, а не печалиться из-за решения, которое ты не можешь изменить.

– Вы говорили, что никогда не позволите...

– Я помню. А теперь говорю, что ради брата ты должна воспользоваться этой возможностью. Другого пути нет, – торопливо прошептала она. – Лео Виллиус – единственный ребенок его святейшества иеромонаха, наследник такой политической власти, о которой не может мечтать ни один священник в Кисии. Но в отличие от своего отца он не выказывает интереса к политике и войне и вряд ли заметит (а может, даже предпочтет!), что его жена заключает соглашения от его имени. Кто лучше тебя сумел бы воспользоваться такой возможностью?

Нарисованная картина выглядела привлекательно. Шанс на свободу и власть, хотя и другого рода. План уже начал осуществляться, и моя мать ничего об этом не знала, так что я выкинула из головы этот образ. Я не откажусь от своей самой большой мечты в угоду мечте второсортной. Тем более когда я уже так близко.

– Просто помни о том, кто ты, – с жаром сказала она. – Помни о судьбе своего отца. Помни, что ты моя дочь. Тебя будут стараться оттеснить, но ты ведь Отако.

Дверь раздвинулась, матушка выпрямилась и отпустила мою руку. В том месте, куда впились ее пальцы, остались белые следы. Вошла Нилла, и тут я поняла, что матушка опасается говорить откровенно даже в присутствии самой своей верной горничной.

Я встала, мои руки дрожали.

– А сейчас я должна вас покинуть, ваше величество. – Я поклонилась матери, как требовалось по ее статусу. – Мне о многом нужно подумать.

– Ты умная девочка, Мико. Бывает и куда худшая судьба, чем брак с могущественным молодым человеком.

Поклонившись в последний раз, я вышла из материнской гардеробной в ее главные покои – большую комнату, уставленную десятком ширм с нарисованными жуками. Это был символ семьи Отако, но уродливые челюсти и выпуклые глаза выглядели совершенно неуместными среди водяных лилий и плакучих ив. Однажды матушка призналась, что ненавидит их, но забрала себе, когда его величество выкидывал из замка все, что могло напомнить о моем отце.

Танаку и Эдо я обнаружила в уютной маленькой галерее над тронным залом. Они сидели бок о бок на полу, почти соприкасаясь головами и ладонями, и перешептывались. С тяжким грузом на душе после разговора с матушкой я уже собралась развернуться и уйти, но лежащая у их ног Чичи поднялась и подошла ко мне, ткнувшись мордой в мою ладонь. Я погладила ее по короткой бело-рыжей шерсти, а она закрыла глаза в собачьем экстазе, высунув язык.

Уединение было нарушено, и Танака встал, его лицо вспыхнуло от раздражения.

– Ты слышала? – спросил он, подходя ко мне, и почесал Чичи за ухом.

– О чем?

Он переделался в тонкое летнее платье, и я в своей еще влажной одежде для тренировки почувствовала себя сорняком рядом с императорской розой. Высоким сорняком, потому что Танака всего пару лет назад стал обладателем такой же, как у меня, «кошмарно мужской фигуры» (по утверждению придворных дам). Я понимала, что они говорят так из зависти, но все равно слишком часто ощущала себя нескладной каланчой, какой они описывали меня под хихиканье подружек.

По-прежнему сидя на полу, Эдо приветливо улыбнулся, хотя и с привкусом печали.

– Я еду домой, Коко.

– Что?! – Я перевела взгляд с него на Танаку – судя по глазам, это была не шутка. – Что значит – едешь домой? Твой дом здесь. – Это было не так, но его отец, светлейший Бахайн, так давно попал в немилость при дворе, что сын стал постоянным жильцом нашей тюрьмы. – Твой отец заключил сделку с его величеством?

– Он никогда бы не встал на сторону императора, – ответил Эдо. – Он перестал платить десятину, потому что император Кин проигнорировал его просьбу о помощи во время нападения пиратов. Он не изменил бы своей позиции без веской причины.

Танака начал ходить туда-сюда.

– Если твой отец нас предал...

– С чего бы вдруг?

– А почему бы иначе его величество тебя отпустил?

– Может, он просто хочет от тебя избавиться, – предположила я.

Оба посмотрели на меня.

– Избавиться от меня?

– Его величество только что договорился о моем браке с Лео Виллиусом из Чилтея. Погоди, Тана, я знаю, что ты зол, но главное не это. Суть в том, что меня легко будет отослать прочь. Как и Эдо. А когда ты останешься в одиночестве, то превратишься в легкую добычу.

Танака фыркнул.

– Пусть попробует меня убить. Это здесь-то, где имя моего настоящего отца до сих пор произносят с благоговением? Нет, он не осмелится.

– Но когда он вернется в Мейлян, ты останешься один, – сказал Эдо, и на его лице отразилось то, что он не осмелился произнести. – Возможно, он подозревает, что ты что-то задумал.

* * *

Тронный зал внизу пустовал, но матушка все равно заняла свое место на кушетке, в полном парадном облачении. Она редко вершила суд без его величества, но теперь, когда почти каждый день поступали донесения об атаках на границе, многие горожане желали получить аудиенцию у императора.

– Хотелось бы мне знать, что задумала матушка, – сказала я, глядя, как на Плиту смирения шагнул человек в костюме цвета морской синевы и поклонился императрице. – Она сказала, что я должна смириться с замужеством. Что это в твоих интересах, Танака, но... Ох, как бы мне хотелось, чтобы в Полях Шами ничего тогда не случилось. Чтобы мы остались в карете. Меня страшат возможные последствия.

– Но почему? – спросил Танака. – Тот случай лишь показал, что север хранит верность семье Отако. Это доказывает, что его величество никак не препятствует нападениям чилтейцев, им позволяют сеять хаос, чтобы наказать всех, кто недостаточно лоялен Ц'аю. Они с матушкой так долго воюют друг с другом, что больше не думают о судьбе империи. У нас это получится лучше.

Матушка поприветствовала в тронном зале другого человека, который выглядел потрепанным и явно пришел просить о помощи.

– Если мы сделаем свой ход до церемонии, его величество не сможет отослать Эдо и меня, – сказала я, не отрывая от нее взгляда. – Чилтейский посол...

– Ты по-прежнему считаешь, что мы должны подписать этот договор? Ты что, не слышала тех людей на дороге? Сколько раз чилтейцы вонзали нам нож в спину? Сколько нарушили торговых соглашений и обещаний? Сколько кораблей затонуло в Ленте? Чилтейские пираты опустошают побережье у Сяна, а Девятка даже их не осудила, и ты думаешь, мы должны принять их помощь?

– Ни один из Девятки олигархов не хочет войны, – возразила я. – Ее хотят лишь фундаменталисты во главе с церковью. Посол – пацифист. Он говорит...

– Он говорит? – Танака сложил руки на груди. – Мико, власть не получить, позволяя другим использовать тебя ради их выгоды. Слушай, может, все это только нам на пользу. Если мы ударим сейчас, когда античилтейские настроения как никогда сильны, то используем замужество, которое он для тебя планирует, против него.

– Танака, я...

– Не только Рою – Растену и Като тоже не терпится действовать. Их воротит от того, что приходится кланяться и расшаркиваться перед сидящим на троне узурпатором.

Он начал расхаживать взад-вперед, и в его ярких глазах играл свет.

Глядя на него, я постаралась подавить сжимающийся в животе узел страха.

– Если мы хотим, чтобы дело выгорело, то должны быть умнее императора. Даже умнее матушки. Я знаю, что тебе надоело сидеть сложа руки, но ты можешь мне довериться?

– Конечно, могу. Но сердца покоряются сражениями, Мико, а не... не тайными заговорами. Война с Чилтеем...

– Позволь мне встретиться с послом, – сказала я самым сладким голоском, который всегда успокаивал его в детстве. – Возможно, есть еще какой-то путь, которого мы не увидели. Прибытие герцога Бахайна может все изменить. – Я заметила, как Эдо за спиной Танаки поморщился, и постаралась не повторить его гримасу. По правде говоря, при мысли о том, что я потеряю Эдо, причем в такой момент, у меня все внутри переворачивалось. – Как бы то ни было, мы найдем способ вернуть Алый трон семье Отако и будем справедливо править бок о бок. Но этого не случится, если мы оба погибнем.

– И этого не случится, если мы просто поменяем одну тюрьму на другую.

В поисках поддержки я посмотрела на Эдо.

– Мико права, Тана, – сказал он. – Союзники нам пригодятся. Я поговорю с отцом, как только он придет, и если повезет, успею до того, как он склонится перед его величеством.

Танака провел рукой по выбившимся из узла на макушке темным волосам.

– Мико встретится с чилтейским послом, а ты – с отцом. А мне что делать? Просто сидеть сложа руки? Может, заняться вышивкой, как отвергнутая женщина? – Эдо встал и прикоснулся к руке Танаки, и мой брат-близнец сдунулся, как проколотый кузнечный мех, его плечи опали. – Ох, Мико, уходи, – сказал он. – Я-то тебе доверяю, а ты не доверишь мне даже нитку с иголкой.

Угнездившийся внутри страх не желал рассасываться. Даже не давал мне вдохнуть полной грудью. В этой комнате я чувствовала себя как в капкане, она была слишком тесной, мне не хватало воздуха, хотелось протянуть руки, пока они не наткнутся на невидимые стены.

– Ты же знаешь, что это неправда. Мы сделаем это вместе, но думаю, что это лучший путь, самый безопасный путь добиться цели. – Я шагнула к двери. – А теперь мне нужно переодеться, пока эта рубашка не прилипла ко мне навечно. И если я не потороплюсь, то упущу шанс сегодня же увидеться с послом. – Я натужно улыбнулась Танаке, но ни он, ни Эдо не ответили, и когда я ушла, они находились в той же позе, как и в самом начале – почти вплотную друг к другу. Оба, казалось, не замечали, что их руки соприкасаются. И что ни меня, ни Чичи больше нет в комнате.

* * *

Чилтейский посол Люсиус Ридус после обеденной трапезы всегда гулял в саду, якобы ради пользы для здоровья. Он любил пространно разглагольствовать о рекомендациях своего лекаря, но я подозревала, что он выбрал сад как тихое местечко, где никто не подслушает его разговоры. Я целый месяц выгуливала Чичи неподалеку в разное время дня, прежде чем решилась на разговор.

Несмотря на липкую летнюю жару, он, как обычно, был в саду, и я отпустила Чичи бежать вперед на запах. Она помчалась вдоль цветочной клумбы, и поникшие головки цветов подскакивали, когда она пробегала мимо, а впереди уже маячила нескладная фигура чилтейского посла.

Я сгорала от нетерпения, но шла молча и медленно, стараясь не показывать интереса к единственному человеку, прогуливающемуся в том же саду в то же время. Он выказывал столь же мало интереса ко мне, ни разу не обернувшись, хотя наверняка слышал, как я позвала

Чичи, когда она попыталась свернуть в сад камней. Я благоразумно свернула под плакучую иву, слегка затянув свою охоту, так что любой наблюдатель решил бы, будто я удаляюсь от посла и лишь случайно наткнулась на него, когда наши пути пересеклись на другой стороне тихого пруда.

Я слегка поклонилась белокожему и белокурому послу с вечной улыбкой на лице, как всегда одетому в белую мантию, подобающую его рангу. При виде меня его улыбка стала еще шире, а мой поклон он встретил аналогичным, низким и весьма изящным для человека, которому приходится лавировать между двумя мирами.

– Ваше высочество, – громко и радостно произнес он. – И ваша сторожевая собака. – Он протянул руку к Чичи, и та помахала хвостом, хотя и не подошла ближе. Посол рассмеялся. – Славная девочка.

– О ком из нас вы говорите, посол? – откликнулась я, принаравливаясь к ритму его шагов.

– Эту тайну я оставляю при себе, ваше высочество, – дерзко подмигнул он.

Мои щеки вспыхнули, но я не отвернулась. Я, как-никак, принцесса Кисианской империи, а не какая-нибудь горничная.

– Что ж, может, это и хорошо. – Я повернулась к нему, неодобрительно скривив губы, совсем как матушка. – Учитывая, что соглядатаи наверняка отметят, если я проведу с вами больше нескольких минут, не буду терять времени, объясняя вам, как подобает себя вести с принцессой.

Он добродушно засмеялся.

– Прекрасно, ваше высочество. И в эти несколько минут вы хотели что-то сказать?

– Насколько я понимаю, вы должны подписать договор, который будет включать и мое замужество. – Я тщательно выбирала слова. – Мы не обсуждали мой брак, когда вместе гуляли в последний раз.

– Верно, – согласился он со слишком радостной улыбкой. – Но, поскольку принца Танаку еще не объявили наследником его величества, тут мало что можно сделать.

– Но можно будет? Я слышала о... другом человеке. Все идет по плану?

– Ваше высочество, я умею соблюдать условия сделки. Этот брак мне нравится не больше, чем вам. Оба брака, если уж на то пошло, хотя ваш – другое дело. В конце концов, мирный договор – самое мудрое решение после стольких лет кровопролития.

Я бросила на него предостерегающий взгляд и едва держалась, чтобы не оглянуться через плечо. Он снова рассмеялся.

– Я не случайно гуляю именно после обеденной трапезы, ваше высочество.

– И все точно знают, где вы находитесь.

– Да, но выбор времени имеет существенное значение. В обед большинство придворных обильно едят, и многие после этого дремлют. А те, которые не ложатся спать, все равно погружаются в летаргию, их веки наливаются тяжестью, а голова не работает. В это время дня я просто человек, гуляющий в саду в тщетной попытке не растолстеть, а вы – просто девушка, выгуливающая собаку в попытке избавиться от чувства, что вы пленница в собственном замке.

Я окаменела.

– Я знаю, что пленница, посол. Не стану отрицать. Я знала это всю жизнь.

– Да, но никто больше не знает, что вы это понимаете. Вам повезло быть почти невидимкой.

– Но, похоже, не для вас.

– Я встречал много умных женщин, ваше высочество, достаточно, чтобы распознать при встрече. В этой игре умные женщины – не просто случайное отклонение, как многие о них думают. Любопытное состояние дел.

Некоторое время мы шли молча, под гул насекомых и хруст моих сандалий по каменной дорожке. За огромным лабиринтом крепостных валов замка Кой город жил своей, настоящей

жизнью, день там был полон шума улиц, забитых телегами, паланкинами и лошадьми; женщины несли воду из колодцев, а городская стража вышагивала попарно под незажженными фонарями и карнизами древних храмов. Людей там было как цветов в саду – мешанина одежды всех цветов радуги, из шелка, льна и шерсти, и замысловато завязанные пояса-оби, и простые веревки; разрисованные лица и завязанные узлом волосы воинов; плоские шляпы студентов-новичков, а их черные халаты контрастировали с белыми рясами странствующих священников в ярких фургонах.

Во дворце же не существовало жизни за пределами двора, полного соглядатаев и сплетников, и вездесущих императорских гвардейцев в великолепных алых плащах. Официально они подчинялись генералу Рёдзи, но, как и остальные придворные, да и вся империя, делились на сторонников императора или императрицы. Ц'ай или Отако. Юг и север.

– Но ваш брат слишком привлекает внимание, – сказал посол Ридус, нарушив тишину и прервав поток моих мыслей. – Ему следует быть осторожнее. Мои союзники не обрадуются, если потеряют... э-э-э... предмет своего интереса.

– Уверена, что предмет вашего интереса и сам не горит желанием потеряться.

Он остановился и поклонился, выразив согласие кривоватой улыбкой.

– Если бы вы родились мальчиком, ваше высочество, я бы разговаривал с вами совсем по-другому.

А Эдо смотрел бы на меня так, как смотрит на Танаку. Я тут же отогнала эту мысль, откашлявшись и выпрямив спину.

– Этими «если бы» можно заполнить целое море, посол, но что толку?

– На Бога надейся, а сам не плошай – так нас учили.

– Наши боги, похоже, думают так же. А сейчас мне придется вас покинуть, господин посол. – Я кивнула на лежащую впереди дорожку, которая сворачивала обратно к главному двору. – Нас слишком часто видели вместе, это может вселить подозрения даже в дремлющие умы.

Посол снова поклонился, умудрившись сделать это элегантно даже в своей объемной мантии.

– Удачного дня, ваше высочество. И, возможно, наши обоюдные «если бы» в конце концов осуществятся.

* * *

Я вернулась к себе уже ближе к вечеру, задержавшись во дворе, чтобы расчесать Чичи, поболтать с кузнецом и переделать еще сотню мелких дел, лишь бы не видеть разочарование Танаки и меланхолию Эдо. Для этого я была слишком взбудоражена, а тишина в замке только усугубляла мое состояние. Как будто вся империя затаила дыхание в отсутствие императора Кина, который поехал в храм Насаке за благословением перед церемонией присяги.

Когда я вернулась, Эдо был один, устроился на сиденье возле окна и смотрел наружу через бугристое стекло. Когда я вошла, он обернулся, поморщился и промолчал.

– Где Танака?

Он не ответил, лишь повернулся обратно к окну, за которым был виден город, раскинувшийся за стенами замка. Эдо сжал в ладони шелк.

– Эдо?

Я коснулась его плеча. В его глазах выступили слезы, но не пролились, а прекрасные губы изогнулись в подобии виноватой улыбки.

– Он ушел.

– Ушел? – Я села ближе, взяла его за плечи и развернула к себе, чтобы посмотреть ему в лицо. – Что значит ушел? – Мое сердце гулко забило при мысли о словах посла, о планах

императора и крови, пролитой на цветы канашинами. – Уехал верхом? То есть убедил генерала его отпустить?

Эдо прикусил губу и покачал головой, но через секунду кивнул.

– Уехал верхом, да, но генерал Рёдзи не в курсе. Он... они...

Я поняла, в чем дело, и у меня перехватило дыхание.

– Он уехал в...

– Да. Я не сумел его остановить. Когда я сказал, что он должен подождать, он только посмеялся и ответил, что должен вести себя как мужчина, а не как ребенок, и... – Эдо пожал плечами, на которых до сих пор лежали мои ладони. – Мне жаль, Коко.

Я опустила руки – несмотря на миллион других мыслей, проносящихся в голове, я внезапно осознала, насколько он близко.

– И давно он уехал? Мы еще можем его остановить, еще можем...

Но это значило посвятить в наш план еще больше людей, а эти планы я не могла доверить ни одной живой душе. Это лишь поставит его под удар.

– Как он выбрался?

– Он не стал бы мне говорить. Он ведь знал, что я тебе расскажу, но думаю, лорд Рой держал для него наготове лошадь, и... Думаю, он уже давно это планировал, Коко. Этот договор и твое замужество просто дали ему необходимый предлог.

Я сдержала клокочущий в горле крик. Матушка узнает. И тогда придворные начнут шептаться. А когда вернется его величество, мне придется объяснять отсутствие брата. Пойдут слухи, и посол Ридус перестанет улыбаться и начнет хмуриться, поняв, что я все-таки не смогла удержать Танаку. А Эдо уедет вместе с отцом в тот самый момент, когда все эти проблемы свалятся на мою голову.

Когда Танака вернется, я его прикончу.

Глава 5

Рах

Нет ничего лучше, чем скакать во главе гурта, нет более приятного звука, чем грохот копыт, когда ты мчишься к славе честной битвы. Если только ты не находишься далеко от дома, а у тебя заканчиваются припасы, когда нужно заполнить сотню прожорливых животов, накормить сотню лошадей, да еще доставить богам мешок с провонявшими головами. Это может испортить впечатление даже от галопа теплым вечером, с верными воинами за спиной.

Разведчики не ошиблись. За прижавшимся к побережью лесом простиралась только голая каменная равнина, совершенно безжизненная. Вечером мы разбили лагерь, но скудные запасы древесины, которые удалось собрать, позволили развести лишь маленький костер для приготовления ужина. Пока Джуга раздавал задания седельным мальчишкам, а Клинки расчесывали лошадей, я собрал Ладонь. Кишаву, Оруна, Йитти. Пока душа Эски не освободится, я не могу объявить своего нового заместителя, мы обязаны оказать Эске эту честь.

– Прежде чем лечь спать, я осмотрю всех лошадей, – сказал Орун. Его лицо было погружено в тень. – Камни здесь острые, но нельзя допустить, чтобы какая-нибудь лошадь охромела.

– Возьми с собой седельного мальчишку, – сказал я, раскидывая камни вокруг своих скрещенных ног, чтобы сесть поудобнее. Камни были такими острыми, что, если бы встреча Ладони по традиции не проводилась сидя, мы бы предпочли стоять. – Только из-за того, что мы здесь застряли, не стоит забывать об их обучении.

Здоровяк кивнул и посмотрел на Кишаву, как будто передавая ей бремя разговора.

– Здесь не на кого охотиться, – сказала охотница, поводя плечами. – И воды нет. А когда Хаматет и Амун вернулись из разведки, они сказали, что впереди только камни и ничего больше.

– Сколько у нас осталось воды?

Теперь Йитти пожал плечами.

– Может, на полдня.

– На полдня?

– Можно приказать людям экономить воду, но это не значит, что они послушаются.

А осталась ли вода в моем бурдюке? В родных степях вода тоже не в изобилии, но гурт всегда возит с собой дополнительный запас. Дети погоняют мулов, тянущих фургон с водой, это их первая в жизни обязанность. Когда-то мы с Эской устраивали состязания на скорость.

– Тогда завтра нужно поднапрячься и найти воду или поселение, – сказал я.

– Или повернуть обратно.

Это были всего лишь слова, но в размеренном тоне Йитти слышался вызов. Правда, он без единого звука принес мне соду для головы Эски. И обрабатывал мои раны без единого звука. Но отсутствие комментариев само по себе заявление.

– Нет, мы будем двигаться дальше. Лента наверняка недалеко. Мне не следовало бы напоминать, что лошади прежде всего, но все-таки скажу. Корм и вода для лошадей – это главное, даже если мы сами останемся без еды и воды.

– Конечно, – согласилась Кишава, а Орун кивнул.

Йитти снова не произнес ни слова.

Ночь прошла тихо, но утром никто не чувствовал себя отдохнувшим. Мы с ворчанием накормили лошадей, подкрасили чернилами клейма на затылках, поблагодарили богов и двинулись дальше.

Гурт движется быстро только в случае проблем, потому что быстрая езда утомляет лошадей и притупляет чувства. Когда скачешь галопом, не слышишь ничего, кроме грохота копыт, не чувствуешь ничего, кроме пыли, и разведчиков вперед не вышлешь. Но выбора у нас не было, и

мы наконец-то порадовались тому, что у нас нет ни фургонов, ни детей, которые могли бы нас замедлить. Я приказал Вторым Клинкам с самого раннего утра скакать во весь опор. Рысью. Галопом. Шагом. И все сначала. Бесконечное путешествие по нескончаемым камням.

Когда мы остановились передохнуть, потные бока Дзиньзо натужно раздувались, и я отдал ему почти всю мою воду. Орун удостоверился, что и остальные поступили так же, и хотя у Клинков еще хватало сил ворчать, они слишком мучились от жажды, чтобы тратить слюну посреди проклятого каменного моря.

– Это место хуже высокогорной степи, – сказала Кишава, пнув ногой камень. – Если плохо ориентируешься, мигом заплутаешь и умрешь от жажды.

– Значит, хорошо, что у нас есть ты.

Я наблюдал, как остальные расчесывают лошадей, пытаюсь найти хоть клочок тени среди нагромождения валунов и крохотной рощицы низких клочковатых деревьев.

– Не так-то это просто, – фыркнула Кишава. – Я не знакома с этими землями, а ветра здесь другие. Здесь нет богини луны, а днем от звезд нет толку.

Я поискал на ее изможденном лице признание, которого опасался.

– Но мы ведь идем в нужном направлении?

– Примерно. Пока что. Но чем дальше на юг, тем труднее будет путь.

Орун и Йитти занялись лошадьми, Орун проверял копыта, а Йитти – бабки. Они выполняли и другие обязанности, но для кочевого гурта нет ничего важнее, чем копыта и бабки.

– Нужно двигаться дальше, – сказала Кишава, наблюдая за работой других участников Ладони.

Когда всадников всего сотня, работа много времени не занимает, но все покраснелись, а лошади вспотели.

– Несколько минут роли не сыграют, – ответил я. – Столица никуда не денется.

Кишава подняла кулаки в приветствии.

– Как скажешь, капитан.

Я остался рядом с Дзиньзо и продолжал наблюдать. Капитан Таллус говорил, что это самый важный навык капитана. «Пусть Ладонь держит все под контролем. А ты просто приглядывай за тем, чтобы все было под контролем». Эта мудрость должна была предотвратить недовольство и мятежи. И я просто наблюдал за Эской, пока он не вытащил меч.

– Пока все в порядке, насколько это возможно, – с бесстрастным лицом доложил Йитти, хотя в глазах с набрякшими веками по-прежнему читался молчаливый вызов. – Но нам нужна вода.

– Кишава считает, что мы уже недалеко, – ответил я. – Как только все переведут дыхание, поспешим дальше.

Йитти посмотрел на небо, прикрыв глаза от немилосердного солнца. Потом снова взглянул на меня и сказал:

– Хорошо.

И ушел без положенного приветствия. Стоит ли ждать от него неприятностей? Трудно сказать. Йитти всегда был резок и не слишком почтителен.

Мы поехали дальше, Кишава впереди, не отрывая глаз от горизонта, на котором бесконечным морем раскинулись камни. Наверное, мы протянем еще денек, пока не станет совсем худо. Лошади падут первыми или просто откажутся идти дальше. Потом рассыплется и гурт. Кое-кто останется со своими лошадьми, потому что лошади у нас в крови, а другие побредут через пустошь пешком. Много лет назад один гурт пытался пересечь в сухой сезон горную степь. Потом нашли только кости, лошадей и людей рядышком – там, где они упали. Даже дети.

Трудно избавиться от таких мыслей, когда скачешь под палящим солнцем, а за спиной те, за кого несешь ответственность.

Когда начал сжимать свою хватку вечер, местность изменилась. Камни и осыпи уступили место приземистому кустарнику, а затем и траве, доходящей до ног всадников. И тогда в нас возродилась надежда, придав скорости, пока на горизонте не появилось поселение, по мере приближения стали видны дома.

В левантийской степи нет городов, нет мест, где теснятся вместе камень, кирпич и стекло. У нас есть места для собраний и сады, храмы и базары, где можно переждать, пока ожеребится лошадь, поспать или помолиться, но мы там не живем. Прежде чем испортились наши отношения с городами-государствами, их купцы рассказывали о величественных зданиях и людях в изысканных одеждах, о портах и аллеях, о рыночных площадях такого размера, что и за полчаса не пересечешь на своих двоих. Я ожидал, что Столица будет именно такой, но, хотя она была больше всех городов, которые я когда-либо видел, она оказалась меньше, чем я представлял. Никаких огромных стен и надвратных башен, как описывали купцы, ни флагов, ни статуй, ни площадей, всего-навсего нагромождение домов – вроде животных, столпившихся у колодца на водопое. А вдалеке на горизонте маячила туманной дымкой Лента.

В леске перед городом нашелся одинокий колодец, земля вокруг него была утоптана множеством ног. При виде него усталость сменилась облегчением, и даже самые утомленные Клинки начали смеяться и шутить, когда разбили лагерь, и шутливо боролись за каждое ведро воды, извлеченное из глубин.

– Так, а теперь послушайте! – выкрикнул я, стоя в центре суматохи. – У нас есть вода, а теперь нам нужна еда и припасы. Здесь не на кого охотиться, так что я поеду в город. Чем больше мы продадим, тем больше денег получим, а за деньги я привезу много еды. Так что соберите все ценное, что можно продать этим людям, и сложите в мешок.

Я протянул мешок под ворчливый гул голосов.

– Знаю, знаю! – прокричал я, чтобы все слышали. – Я знаю, что это не наш образ жизни, но мы левантийцы. Что бы ни уготовала нам степь, мы это принимаем, что бы ни уготовало нам это проклятое место, мы выдержим это, выдержим и сотню таких испытаний, потому что мы Клинки и мы из рода Торин. – Наконец-то раздались одобрительные выкрики, и я оседлал эту волну. – Так что тащите ваши безделушки и монеты, и сегодня вечером устроим пир.

Я вынул из седельной сумки бронзовую фигурку и бросил ее в мешок вместе с горстью корунских монет и ожерельем из ракушек, принадлежавшим моей матери, в надежде что остальные оценят такую жертву и тоже внесут свою долю. Так и вышло, каждый выступил вперед со своими маленькими сокровищами. В обмен они получили мое благословение и обещание, что мы пройдем через все это, переживем этот цикл, что бы он для нас ни припас, и вернемся, став сильнее, лучше и свирепее, чтобы сражаться за наш народ. Ожерелья, булавки, жемчуг, резные фигурки из кости, а Теппат даже бросил в мешок жетон из резного черного дерева, которым его дед голосовал на собраниях, когда был гуртовщиком.

– Необязательно его отдавать, – сказал я, когда Теппат помедлил посреди шума и болтовни разворачивающегося лагеря.

– Это верно, – согласился юноша, почесывая клеймо на затылке. – Но мне он здесь не нужен, да и дома, вероятно, не пригодится, если все так пойдет и дальше. Он красивый, и за него можно купить хорошего мяса.

– Хорошо, Теппат. Капитан благодарит тебя.

Он отсалютовал мне.

– Капитан.

Когда с этим было покончено, я нагрузил на Дзиньзо два мешка баракла и три мешка с головами.

– Через час уже стемнеет, – сказал Джута, присев на корточки, как длинноногий ибис.

– Я почти готов, – ответил я. – Если повезет, успею вернуться до темноты. И даже если зайдет солнце, не найдешь вторую такую лошадь, которая ступает так же уверенно, как

Дзиньзо. – Я похлопал его по крупу. Мой мерин был отличным скакуном, но недостаточно хорош для разведения, а когда меня заклеямили, стал моим илонга, то есть первой лошадей, и хотя ни один левантиец не задержал бы на нем взгляд, в моем сердце никто не мог с ним сравниться.

– А ты разведи угли для ужина, – сказал я, увидев, что Джута не сдвинулся с места.

– Этим займутся другие. А я поеду с тобой.

Я оглядел его.

– Вот как?

– Тебе понадобится мул, чтобы привезти обратно продукты, и погонщик для него.

– Я и сам способен управиться с тупой животинной. Я погонял мулов с водой еще до твоего рождения.

– Правда?

Я накрепко затянул последний узел.

– Наверное. Сколько тебе?

– Почти шестнадцать.

– Значит, так и есть, я погонял мулов, когда ты еще сосал мамкину титьку. Проклятье, чувствую себя стариком.

– Я все равно пойду с тобой, капитан.

Он не в том положении, чтобы выставлять требования, и мне следовало бы его отчитать, но его темные глаза радостно сверкали, и на мгновение мне показалось, что передо мной сидит Гидеон, юный и уверенный, как спустившийся на землю бог – в точности такой, каким я его помнил. Я не мог удержаться от улыбки.

– Ты лучше о себе позаботься, парень.

Джута начал связывать длинные волосы кожаным ремешком, и на его ладони упали пряди, словно годы жизни, которые они олицетворяли.

– Сначала я прикрою твои тылы, капитан, – сказал он, и его улыбка исчезла. – Мне пока никто не желает смерти.

Вокруг суетились Вторые Клинки Торинов. Некоторые кивали и приветствовали меня, проходя мимо.

Когда я обернулся, Джута еще возился с волосами.

– Объясни, о чем ты, и поедешь со мной.

– Да нечего объяснять, капитан. Я просто... – Он откинул крепко связанный хвост на спину. – Что-то не так, и мне это не нравится. Что-то не так в этом месте.

– Здесь холоднее. И нет богини луны. Да еще эти высохшие камни. Мы не дома, Джута.

– Нет, дело не только в этом. Как будто... – он покачал головой. – Не могу объяснить, капитан, просто у меня такое чувство, будто я уже это видел и прожил.

Хотя вечер был теплый, я поежился.

– Ты можешь меня сопровождать, но пойдешь пешком.

– Когда доберетесь до города, найдите карту, – сказала Кишава, появившаяся из удлиняющихся теней. – Не хочу подпортить свою репутацию, заблудившись.

– И что, ты будешь пользоваться картой?

Она ущипнула меня за плечо.

– Еще как. Потому что эти звезды совсем не те. А ты присмотри за ним, чтобы не отвлекся, – сказала она, ткнув пальцем в Джуту. – И... – Кишава умолкла. Со стороны города что-то мелькнуло. В нашу сторону кто-то шел. – Около трех десятков пеших и два всадника, – сказала она.

– Переговорщики?

Трудно спрятать сотню воинов с лошадьми на плоской, безлесной местности, неудивительно, что нас заметили. Правда, когда два гурта наталкиваются друг на друга, они обычно

держатся на расстоянии, пока не будут уверены в мирном исходе. В степи и без того трудно выжить, затевать без нужды конфликты просто неразумно.

– Трудно сказать, – ответила она. – Они не выглядят дружелюбными, но и агрессивными не выглядят, они просто... идут.

По лагерю быстро распространились новости о прибытии гостей, и вскоре все собрались посмотреть, как вверх по склону надвигается грозная туча людей. Света, чтобы рассмотреть подробности, почти не осталось, но по мере приближения за спинами людей стали видны луки. И стало ясно, что все они мужчины, одинаково одетые – простые доспехи поверх зеленых рубах. Даже один из всадников носил зеленое, правда, на другом было длинное одеяние, сверкающее в последних лучах солнца. И выглядело оно дорогим. Куда лучше, чем их лошади. Низкорослые клячи с короткими шеями, низко посаженными хвостами и неуклюжей поступью, левантийцы стыдились бы таких лошадей.

Я замороженно повернулся в сторону Оруна и увидел, что он стоит в нескольких шагах от меня со скрещенными на груди руками.

– Вот ведь кривоногие клячи, – произнес он. – Их опередят даже наши мулы.

Джута разинул рот от удивления.

– А у той лошади, на которой скачет женщина, глаза-бусинки и скошенный круп.

– Женщина? Платье дорогое, но это мужчина, – сказала Кишава. – Широкие плечи. И нет груди. Видно же.

Под взглядом Кишавы Джута покраснел.

– Мужчина в платье? В городах-государствах такого нет.

Кишава пожала плечами.

– Да пусть уж носят сами, а то ведь они женщин заставляют.

Клинки начали хихикать, но как только гости приблизились на такое расстояние, чтобы нас слышать, я мигом велел всем заткнуться. Никто из деревенских жителей не понимал нашего языка, но я все равно шагнул вперед, на переговоры.

– Я капитан Рах э’Торин, предводитель Вторых Клинков рода Торин, – сказал я, переводя взгляд со всадника в доспехах на того, что в платье, поскольку не был уверен, к кому обращаться. – Нас изгнали с родной земли на полный цикл, мы пришли к вам с миром.

Ни один всадник не заговорил, вместо них выступил вперед загорелый юноша, явно выросший из своей одежды – видны были тощие запястья и лодыжки.

– Я знаю, – сказал он.

– Ты левантиец, – откликнулся я, не сводя с него глаз. – Из какого гурта?

Он поприветствовал меня, сомкнув кулаки.

– Я тоже из Торинов, капитан, но ты можешь меня помнить только как седельного мальчишку из Первых Клинков.

– Так значит, Гидеон...

Всадник в доспехах что-то рявкнул по-чилтейски, и парнишка-левантиец шагнул назад, потупившись.

– Что за...

– Больше я ничего не могу сказать, – не глядя на меня, произнес он. – Извини. Просто сделайте то, о чем они просят.

Человек в доспехах подвел лошадь на несколько шагов ближе и остановился, уставившись на нас в сгущающейся темноте. В центре лагеря горел костер, а высоко в небе висела луна, но все равно света не хватало, чтобы разглядеть выражение лица.

Он снова заговорил на чилтейском, теперь явно обращаясь ко мне.

– Не нравится мне это, – прошипела Кишава уголком губ, пока он говорил.

Она изменила позу, слегка сместив вес, чтобы руки могли быстрее вытащить мечи.

Я был с ней согласен и пожалел, что у нас так мало стрел и копий.

Когда мужчина остановился, левантиец снова заговорил:

– Я командер Эно Брутус, Первый северный. С какими бы намерениями вы ни пришли на нашу землю, вы незваные гости и по нашим законам должны быть уничтожены... – При этих словах взметнулось несколько клинков, но чилтеец и бровью не повел. Вздрогнул лишь мальчишка, продолжая говорить: – Но в военное время законы можно обойти. Если вы будете драться за нас, а не против нас, то вас и ваших людей пощадят, вы можете даже снискать славу.

Юноша повторил интонации своего командира, но когда речь подошла к концу, добавил и кое-что от себя:

– Пожалуйста, сделайте, что он просит.

– Мы не можем, – ответил я, услышав, как новые клинки покидают ножны. Джута, по-прежнему без оружия, не сдвинулся с места. Кишава облизала губы. – Мы гурт из левантийских степей. Мы из рода Торин. Мы не сражаемся и не умираем в чужих войнах. Это против наших правил.

В слабом свете костра я увидел, как их лучники приложили стрелы к тетивам, но по приказу командера выстрелил только один. Мы рано учимся охотиться, выпускать стрелы в оленя и ставить ловушки для кроликов, не обращать внимания на вопли умирающих животных и хлюпанье разрываемой копьем плоти, но при звуке стрелы, вонзившейся в лошадиную шею, наши сердца разрываются от ужаса.

Мерин покачнулся. Кто-то вскрикнул, хотя я и не понял кто, а Орун схватил удила, пытаюсь успокоить лошадь. Другая стрела вошла в круп, и мерин в панике чуть не сбил Оруна с ног.

Чилтеец снова заговорил, и юный левантиец почти тотчас же перевел:

– В отличие от вас, у меня большой запас стрел. Предлагаю вам изменить решение.

– Мы не сражаемся в чужих битвах, – выплюнул я. – Мы пришли с миром. Мы...

Стрела вошла в глаз серого мерина Кишавы. Он покачнулся как пьяный и рухнул, так что земля под нашими ногами затряслась.

– Следующей будет твоя лошадь, варвар, – перевел юноша слова командира чилтейцев. – А потом черед твоих людей. Женщинам мы на время сохраним жизнь.

Кишава даже не пошевелилась, когда пала ее лошадь, но я узнал этот взгляд и понял, что она оценивает расстояние между собой и врагами, а ее ярость только распалась, когда она поняла, что не успеет. Нас было больше, но стрелы уничтожат половину гурта, прежде чем мы доберемся до врагов. И какой смысл? Если мы даже перебьем их, придут другие.

И все же согласиться – значит поступиться честью. Это против наших правил. Наши души станут тяжелее на весах Моны, и, когда в конце концов придет смерть, они не спасутся. Мона обречет нас на вечную тьму без права на новое рождение.

Я положил дрожащую руку на шею Дзиньзо.

– Нет, мы...

Кишава шагнула вперед.

– Я буду за вас сражаться.

– Я тоже, – раздался еще один голос.

– И я.

За ними последовали и другие, голоса слились в хор и замерли, только когда все откликнулись на призыв.

– Так что же, капитан варваров? – перевел юный левантиец.

Кишава, стоящая всего в нескольких шагах от еще теплого трупа своей лошади, хмуро уставилась на меня. Она выкрутила мне руки.

– Мы будем за вас сражаться, – сказал я, и каждое слово застревало в горле, как шипы.

Командер Брутус улыбнулся.

– Хорошо, – перевел юный левантиец. – Вы не так умны, как другие варвары, с которыми мы встречались, но и так сгодится. Бросьте оружие. Нам не нужны... происшествия.

– Мы бы предпочли сохранить оружие, – возразил я. – Мы же вам присягнули, тронув вас, мы поступили бы не по чести.

Услышав перевод, он лишь отмахнулся.

– Да-да, потому что, если клинок обнажен, он должен напиться крови и все такое. Сложите оружие, или мы вас уьем. Проще простого, капитан варваров.

И хотя я слышал эти слова из уст мальчишки, командер говорил таким скучающим тоном, что я чуть не швырнул в него меч, чтобы утихомирить бурлящий в душе гнев. Но он был слишком далеко и в хороших доспехах. Все без толку, только зазря распалаться. Может, именно поэтому Гидеон так и не вернулся?

Подумать только – неужели Первых Клинков рода Торин принудили сражаться за этих людей, и Гидеону э’Торину, лучшему воину и охотнику гурта, пришлось склонить голову или умереть. Несомненно, он бы предпочел умереть с честью, но достаточно было одного Клинка, который больше ценит жизнь, и решение приняли за меня.

Я не мог посмотреть на Кишаву, боясь, что меня полностью поглотит ярость. С пылающими от стыда щеками, под внимательными взглядами богов и смертных я бросил саблю на пыльную землю.

– Бросайте оружие, – приказал я, бросив вторую.

– Мудрое решение, – сказал командер под звон падающих на землю клинков, похожий на вечерний хор. – Окружите их.

Глава 6

Кассандра

Джонус ухнул, вытаскивая дорожный баул из кареты, и тут же приглушенно взвыл, когда тот плюхнулся ему на ногу.

– В часовом механизме важно даже самое мелкое колесико, – пробормотала я, наблюдая за ним через верхнее окно таверны, где я мыла стол перед трапезой лорда Ториуса. Кем бы он ни был на самом деле, молодой человек явно получал удовольствие, изображая знатного лорда, почти так же, как я получу удовольствие, перерезая ему горло. Что до Джонуса...

«Джонус – трудяга, – сказала моя вечная пассажирка. – Хороший человек».

– Да он просто кретин, вот он кто, – объявила я, пока Джонус пыхтел на лестнице с тяжелым баулом, скрывшись из вида. – Я уже прикончила бы обоих, но приказано ждать, так что мы подождем.

«Ах, так теперь уже «мы»? Можно подумать, я когда-нибудь совершила бы подобное».

Я вытащила из-за голенища флягу и открутила крышку. От ударивших в нос горьких паров у меня потекли слюнки. Жидкость обожгла губы и горло, но экстаз продлился всего несколько секунд, а потом наступило онемение.

«Лучше бы ты прекратила пить эту дрянь».

– Лучше бы ты заткнулась и навсегда оставила меня в покое. Не все получают желаемое.

Смерть звала меня и с улиц этого городка. Не целый хор, внедрявшийся в мою голову днем и ночью, как в Женаве, но мертвецы все равно постоянно присутствовали. Раньше я отзывалась на призывы в надежде, что они умолкнут, однако всегда находила только тела. Безжизненные. Искалеченные. Они умолкали только от разложения.

Даже если я не смогу избавиться от *Нее*, то обменяю несколько жизней на то, чтобы освободиться от покойников.

«Но зачем им понадобился Джонус?»

В коридоре раздались шаги, и я сунула фляжку обратно в сапог и облизала губы.

– Возможно, мы это узнаем.

Я наклонилась, сделав вид, что надраиваю стол.

Дверь открылась, и вошел лорд Иллус. Замена лорда Эритиуса. Он нанял меня служанкой, в точности как сказал мамаше Гере мой загадочный клиент, но оставалось неясным, что ему известно. Если он и знает, для чего я здесь, то не подает виду. Если он и знает подлинную личность фальшивого лорда Ториуса, то держит эти сведения при себе. Нет ничего хуже скудости информации.

Я наклонилась ниже, надеясь, что платье натянется на бедрах (для этого я предусмотрела дополнительные швы) и он не сможет отказаться от приглашения.

«Серьезно? Это он-то?»

– Ты уже убралась?

– Да, ваша милость, – сказала я сладким и невинным голоском, словно до сих пор чувствовала вкус Пойла на губах. – Все готово.

– Отлично. Отлично.

Он закрыл дверь и начал расхаживать по комнате, проверяя, не осталось ли пыли на каминной полке, заглянул за шторы и под конец проверил устойчивость стульев у стола. И остановился рядом со мной. Наверное, мне стоило повернуться, но тогда пришлось бы посмотреть ему в глаза.

Он похлопал меня по бедру.

– Ты хорошо потрудились в последние дни, – тихо и хрипло произнес он. – Я благодарю секретаря Ауруса за то, что обратил на тебя мое внимание. Хотя не могу понять, как это он отпустил тебя со службы.

Секретарь Аурус. Я порадовалась, что он не видит моего лица. Аурус стоял на второй ступеньке табели о рангах, выше него – только олигархи из Девятки. Ничего себе. Персона куда значительнее, чем я предполагала.

Приободренный моим молчанием, он сунул руку мне между ног, а голос его совсем осип.

– Наверное, у него не такой аппетит, как у меня.

«Ну пожалуйста, Касс, уйди. Найди какой-нибудь предлог. Хотя бы один раз».

Он уже проболтался. Было бы просто разыграть испуганную глупышку и отпрыгнуть, но ее возражения всегда меня бесили. В конце концов, это мое тело, и если оно ей не нравится, может убираться и найти другое.

– Ты такая красавица, – сказал лорд Иллус, навалившись на меня всем телом, так что край стола впился мне в ягодицы. Другая его рука поднялась к моей груди. – Когда ты вошла в мой кабинет, я подумал, что меня навестила королева.

Я закатила глаза, испустила подобающий стон удовольствия и прижалась задницей к его паху. *Она* начала вопить у меня в голове.

* * *

С тарелки молодого человека упала виноградина и покатилась по столу, тому самому столу, на который опиралось мое обнаженное тело, пока лорд Иллус прогонял голос из моей головы. Лорд Иллус велел мне протереть стол, но я не стала. Молодой не-лорд Ториус зажал виноградинку двумя пальцами и бросил в рот. Он ел в одиночестве, ну, то есть так, как может себе позволить кто-то, притворяющийся лордом, – в присутствии лорда Иллуса, дворецкого и двух слуг на подхвате. Лорд Иллус пытался смотреть только на парня, но я постоянно стреляла в него глазками, просто чтобы скоротать время.

– Ремус, – подозвал дворецкого не-лорд Ториус, прожевав виноградину.

– Да, ваша милость?

– Сколько дней осталось до границы?

Он побарабанил пальцами по столу.

– В таком темпе мы будем в Тяне через неделю, ваша милость, а оттуда...

Молодой человек взмахом руки велел ему замолчать.

– Давайте ускорим темп, – сказал он гораздо увереннее, чем вел себя поначалу. Спокойно, даже со скучающим видом. – И не предупреждайте о нашем приближении.

– Хорошо, ваша милость.

Он встревожен? Даже если нет, ему стоило бы забеспокоиться.

«Почему тебе так нравится убивать?»

Ага, *Она* вернулась.

«Потому что это весело, – сказала я, одарив ее нечастым мысленным ответом. – Потому что, умерев, они больше не могут говорить».

«Ты хотела сказать – не могут причинить тебе боль».

И тут воспоминания посыпались, как из переполненного хламом шкафа. Священник Олдем. Богадельня. Глумящиеся лица, нависшие совсем близко. Промокшее от плевков тонкое платье. Мать тоже в меня плевалась и проклинала всеми демонами, она вся прямо-таки извивалась от ненависти. Тетя Элора пыталась ее остановить. Умоляла оставить меня дома, не отсылать, а они плюнули и в нее за то, что навлекла на семью такой позор.

Я сморгнула неуместную слезу, и сила эмоций после стольких лет меня потрясла.

«Я любила тетю Элору», – сказала *Она*.

«Заткнись. К тому же она тебе не тетя».

– Хотите, чтобы я сообщил послу Ридусу? – поинтересовался лорд Иллуc, и его слова вернули меня к действительности.

– Нет, никому не сообщайте, – велел молодой не-лорд Ториус. – Даже ему.

Посол Ридус. Секретарь Аурус. До сих пор мне удавалось остаться в живых, потому что я не задавала лишних вопросов, но пусть я и пешка в этой игре, я не собираюсь быть глупой пешкой.

Молодой человек поднял на меня взгляд.

– Она с нами?

– Да, ваша светлость, – сказал лорд Иллуc. – Она хорошая и надежная служанка.

Бледные глаза ненадолго задержались на мне, а потом молодой человек резко кивнул.

– Прикажите подать карету пораньше.

– Если ваша светлость уверены...

Лорд Ториус закашлялся, но слишком поздно прервал лорда Иллуса. Ваша светлость. В Чилтее так обращаются лишь к главам купеческих домов и священникам высокого ранга – первые обычно люди немолодые, а последние еще старше.

Я уставилась на юного лорда с безупречной белой кожей и тонкими чертами лица, с хрупкой фигурой, почти как у птицы, но с гордой осанкой и немигающим взглядом. Скоро он будет мертв, но когда в игре участвуют настолько могущественные люди, то прежде чем перерезать ему глотку, стоит сначала разузнать, кто он такой на самом деле.

* * *

На следующий день мы ехали быстро, не останавливаясь до самого заката. Его светлость лорд не-Ториус ел в одиночестве, а я прислуживала ему и наблюдала. Потом убирала со стола и наблюдала. А когда ночью лорд Иллуc послал за мной, я прислушивалась к его болтовне, пока он расхваливал мою красоту, жаловался на усталость, а в конце концов все-таки получил свое блаженство – не проговорится ли он. Но той ночью я ничего не выведала. Как и следующей. И хотя мы встали еще раньше и остановились уже в темноте, молодой человек намеревался еще ускорить темп.

«Может, ты неправильно расслышала», – сказала *Она* на следующую ночь, когда я выскользнула из постели лорда Иллуса, снова размышляя о том, кого могли величать «вашей светлостью».

Я тихо огрызнулась, закрывая за собой дверь в комнату лорда Иллуса. Он был неплохим любовником, но если я не сумею из него ничего вытянуть, то лишь зря теряю время в его постели.

«Голосую за то, чтобы не возвращаться туда. Он омерзителен».

– Ты считаешь омерзительными всех мужчин, – вполголоса пробормотала я. – Странно, что ты так возмущаешься, когда они расстаются с жизнью.

Дверь в комнату лорда Ториуса открылась, и оттуда вышел Джонус. Когда он заметил в тусклом свете меня, его ладонь застыла на ручке, а глаза округлились, как у пойманного в силоч зверя.

– Его... Лорд Ториус попросил попить, – сказал он, краснея.

– Конечно.

Джонус отвернулся. Даже его уши пылали. Трудно найти большего дурака и простофилю, но, возможно, именно это и объясняло, зачем меня попросили принести его голову. Кое-кому не нравилось его... влияние, хотя трудно сказать, какое именно влияние мог оказывать привлекательный, но безмозглый юнец.

– Может быть, его милости нужно что-то еще? – спросила я. – Например, свежие простыни?

– Нет! Нет, ему ничего не нужно.

Он отпустил ручку, пряча другую руку за спиной. Я могла бы с легкостью вывернуть ему запястье, но успешно выполнить задачу важнее, чем удовлетворить любопытство. Я позволила ему скрыться, прижимая что-то к груди, когда он пробормотал извинения и умчался по коридору.

Я тихо последовала за ним, прислушиваясь, как он громко протопал вниз по лестнице, и успела увидеть, как он скрылся в чулане, где лорд Ториус держал дорожные баулы.

Джонус почти тут же вышел, а я стала спускаться по лестнице, пока он поднимался. Он мог бы пройти мимо, не сказав ни слова и оставив после себя лишь запах пота, но, поравнявшись с ним, я заявила:

– Ты мог бы сказать, что не интересуешься женщинами.

Он остановился на ступеньку выше, и его карман оказался очень удачно расположен. Теперь осталось только залезть туда, отвлекая его разго...

«Я с ним поговорю».

– Все совсем не так, как кажется, – сказал Джонус, и его покрасневшее лицо вдруг показалось таким далеким. Далеким и привлекательным, таким добрым и милым.

– Я не имела в виду ничего плохого. – Голос был вроде бы моим, но я не собиралась произносить ничего подобного. – Я просто хотела сказать, что, если тебе не интересны девушки, ты мог бы признаться, потому что я...

Я считаю себя хорошей актрисой, но эти сладкие речи звучали уж слишком правдоподобно. Я попыталась вызвать рвоту, но ничего не вышло.

«Как ты это делаешь? – спросила я. – Почему я не могу...»

– Но мне они интересны! – Лицо Джонуса перекошилось от смущения. – А ты такая красивая!

– Ты тоже. Ну, в смысле, как мужчина...

«Ох, ну хватит уже!»

Я изо всех сил сжала кулак. Я не могла отвести глаз от застенчивой улыбки Джонуса, и, хотя все мои чувства притупились, словно я погрузилась в вату, ладонью я могла управлять. Меня охватила паника. Да что *Она* вытворяет? Какого...

«Возьми ключ!» – рявкнула она.

«Что, вот так просто? Ты присвоила мое тело, оставив только руку, и ждешь, что я включусь в игру?»

«Давай же, Касс!»

«Я не могу обшарить карман, не видя, где он!»

Неловкое молчание затянулось, а потом Джонус произнес:

– Ты намного старше меня, я и не думал... В смысле, ты слегка...

Она опустила взгляд, и замешательство Джонуса позволило мне хорошенько рассмотреть его карман.

«Подойди ближе».

– Прости, – сказала *Она*. – Знаю, я могу показаться немного... колючей. Я просто так защищаюсь, понимаешь? Надеюсь, ты не считаешь меня слишком старой?

«Я защищаюсь с помощью Пойла, а колючая, потому что только этого заслуживают все вокруг. Да подойди же ближе!»

Она так и сделала, и отчаянное биение ее сердца зазвучало, как гул барабанов где-то вдали, и участилось, когда рука Джонуса коснулась моего лица, а моя отыскала его карман. Весь мой мир сошелся в этой руке, и, перемещая ключ в кармашек передника, я почувствовала лишь прохладу металла. Ни единой попытки мне помешать, ни единого звука, он не схватил

меня за руку, а когда я опять обратилась к *Ней*, то обнаружила, что глаза у меня закрыты, и ощутила прикосновение к своим приоткрытым губам.

«Нет-нет-нет! Я должна убить его, а не целовать. Прекрати! Я добыла ключ».

Ответа не последовало, только вихрь несерьезных мыслей и грохот моего сердца.

«Отдавай обратно мое тело!»

Одну руку она положила ему на грудь, но другую, которая мне еще подчинялась, я рывком просунула меж его ног и сжала. Джонус взвизгнул, глаза его распахнулись, и вся краска сбежала с лица.

– Нет! – завопила она. – Отпусти его!

«Отвали!»

– Нет! Пожалуйста!

Я в последний раз дернула Джонуса, отпустила и что было силы хлопнула себя по щеке, отчего *Она* охнула, хватаясь другой рукой за перила.

«Убирайся».

– Нет! Я...

Я все била и била себя по лицу, почти не чувствуя боли.

– Кассан... дра, – простонала *Она* между ударами и отшатнулась. Ее хватка на перилах ослабла, рука заскользила, а под ногами у нас оказался край нижней ступеньки.

Я лежала на спине, не в силах вздохнуть, не в силах пошевелиться, а по телу разлилась боль, какой я до сих пор не знала. И спина, и ноги, лицо и шея – все разбито о лестницу и моими собственными ударами. Но зато это *я* не могла дышать, это *мне* было больно, и кровь на пол сплевывала тоже я.

«Как же ты сумела?»

Понемногу я начала хватать ртом воздух, а вокруг бормотали далекие голоса. Надо мной возникла жена трактирщика.

– Ты цела? – спросила она. – Ты свалилась с лестницы?

Я сумела кивнуть, и она вцепилась в мою руку, помогая подняться.

«Я просто хотела попробовать, каково это».

Растрепанный трактирщик в ночной рубашке стоял возле Джонуса, который махнул рукой и сдавленным голосом сообщил, что ничего страшного не произошло, большое спасибо.

«Ненавижу тебя».

У меня вырвался сухой смешок, в основном от облегчения.

– Ты, поди, головой ударилась, – сказала жена трактирщика, тоже облаченная в ночную сорочку, не скрывавшую необъятную грудь. – Ты бредишь.

– Да. – Говорить было больно, поэтому я замолчала и только смотрела, как трактирщик ведет Джонуса вверх по лестнице. Побледневший юноша согнулся в три погибели и дрожал, явно держась на ногах из одной лишь гордости. Когда трактирщик вернулся к своей взволнованной жене, я уже взяла себя в руки и отказалась от предложенной ей помощи.

– Мне надо отдышаться пару минут, – сказала я. – Не знаю, как я могла совершить такую глупость. Должно быть, оступилась и, падая, заодно снесла беднягу Джонуса.

Трактирщик усмехнулся.

– Он оклемается, как только блевать перестанет.

«Блевать? Да ты настоящее чудовище».

– Да, – рявкнула я *Ей*, когда трактирщик с женой убралась восвояси, оставив мне свою лампу. – Да, потому что я собираюсь убить его и привезти его голову в Женаву.

Она закричала какую-то бессвязную гневную чепуху, перешедшую в пронзительный визг, и тут я вынула ключ от кладовки. По крайней мере, в таком состоянии Джонус вряд ли хватится его в ближайшее время, и я успею обыскать пожитки фальшивого лорда Ториуса.

С лампой трактирщика в руках я проскользнула в кладовку и глубоко вздохнула. Здесь было не меньше десятка сундуков и ящиков всех размеров, но на ближайшем стояла маленькая шкатулка для письма. Скорее всего, именно ее и принес Джонус. Я схватила ее, но внутри оказались лишь обычные писчие принадлежности – бумага, перья, чернила и воск. Ничего интересного.

Я захлопнула шкатулку и поставила на место.

В слабом свете я открыла ближайший сундук, в котором обнаружила мерцающее шелковое платье в кисианском стиле – на него пошло гораздо больше материи, чем требуется любому человеку, чтобы прикрыться, даже в мерзлой глуши южной Кисии. Но кисианцы любят одеваться броско и роскошно. Даже их пояса были в два раза длиннее, чем нужно. И чем богаче и выше по положению человек, тем больше тратилось на него ткани.

Стараясь не помять аккуратно сложенное платье, я осторожно полезла рукой в глубь сундука, нащупывая что-нибудь кроме материи. Под первым шелковым платьем лежало второе, а также несколько льняных и шерстяных. В следующем сундуке оказалось то же самое, только платье было еще роскошнее, из розового шелка с россыпью крошечных цветов, белых, красных и даже пурпурных, что меня потрясло, учитывая цену вышивки. Сверху в футляре лежало ожерелье, безликая маска Бога на тонкой как паутина цепочке. Мое сердце забилося чаще. Лорд Ториус был слишком молод для священника.

Я поставила коробку на место и перешла к другому сундуку. Снова одежда и ящики с посудой, серебром и ладаном. Я надеялась найти письма, или свитки, или какие-нибудь документы, но, похоже, меня ждало разочарование.

Когда я закрыла последний сундук, прошло не меньше часа. Масляная лампа почти прогорела, а я мечтала о постели. Всего несколько часов до того, как меня разбудят, и начнется еще один день фальшивой служанки фальшивого лорда. Но я закусила губу и вернулась к сундуку с ожерельем.

Взгляну последний раз. Футляр открылся легко, умирающий свет замерцал на золотой маске Единственного истинного Бога. Настоящее золото. Тонкая работа. Я перевернула ожерелье.

Ее светлость Мико Виллиус.

Я вертела его туда-сюда, будто ожидая, что слова как-то изменятся, но этого не случилось. Их тяжесть рухнула в мой уставший мозг с грохотом, от которого у меня перехватило дыхание.

Уронив футляр, я схватила шкатулку и откинула крышку. Та же превосходная бумага, воск, перья и крошечная коробочка с песком, но на этот раз я все это вывалила и нашла под бумагой печать. Маска Бога с вырезанной посередине буквой «В».

Доминус Креос Виллиус, иеромонах Чилтея, глава церкви, первый после Бога. Никто никогда не видел его лица, но он должен быть стар, учитывая, что занимает этот пост, сколько я себя помню. Но у него есть сын. Единственный. Лео Виллиус. А у императора Кисии Кина Ц'ая – единственная дочь. Принцесса Мико.

– Проклятье, – прошептала я пустой кладовке, когда все встало на свои места. – Это плохо.

«А я говорила тебе не братья за эту работу».

– Будто у меня был выбор. Я наемное орудие, а орудие не уйдет далеко, если будет отказываться от работы.

«Ты же не хочешь сказать, что продолжишь дело? – В ее голосе слышался искренний ужас. – Он сын иеромонаха! Без него точно начнется война».

Вместо ответа я скрипнула зубами и собрала бумагу и перья. Наверное, лучше было не знать, не иметь сомнений, скребущихся в мозгу. В отличие от отца доминус Лео Виллиус заботился о бедных и благословлял больных. Он был истинным слугой Божьим, и за это кто-то

желал ему смерти. Я могла бы отказаться, но тогда просто пошлют кого-то другого, а я умру без всякой пользы, никем не замеченная. Потому что я никто.

«Нет, Кассандра, даже ты не можешь...»

– Могу и сделаю. Если тебе это не по нраву – убирайся.

* * *

Когда на рассвете мы отправились в путь, Джонус старательно меня избегал. Наша карета мчалась позади той, что везла лорда Иллуса и доминуса Лео Виллиуса. Теперь, зная, кто он, я смотрела на него иначе, подмечая движения глаз, спокойную уверенность и мягкую бледную кожу лица, часто скрывавшегося под маской. Вероятно, он почувствовал мой взгляд, поскольку светлые глаза снова обратились ко мне, а голова склонилась набок, будто он обдумывал какие-то мои слова.

Я отвернулась, а когда снова посмотрела, он уже скрылся в карете и больше не появлялся. Даже когда солнце поднялось высоко и наши кареты остановились на обочине дороги.

– Зачем мы остановились? – спросила Ливия, другая служанка, разглядывая залитые солнцем поля.

Я не знала ответа. Ни тени, чтобы дать лошадям отдохнуть, ни воды, чтобы их напоить, и, высунув голову из зашторенного окна, я не смогла разглядеть поблизости никакого жилья. Ни дома. Ни фермы. Ни даже дорожного столба. Только колышущиеся золотые поля да темно-зеленый лес на горизонте.

Лорд Иллус вышел на дорогу и, заметив меня, сердито дернул головой, веля вернуться на место.

– Ну, что там? – спросила Ливия.

– Ничего.

– Может, у лошади подкова слетела или колесо разболталось. Или сундук упал.

– Наверное, ты права, – сказала я, не став указывать на пустую дорогу или отсутствие активных действий. Дотронувшись до лодыжки, руки и бедра, я проверила ножи. Времени сменить платье на мое любимое не было, но сойдет и так.

«Ты до сих пор не поняла?»

Я со вздохом откинула голову назад, но *Ее* ничто не могло остановить.

«Зачем сыну иеромонаха ехать в Кисию с ожерельем, на котором выгравировано имя Мико Виллиус, если не для того, чтобы скрепить договор женитьбой на ней?»

Я подавила еще один вздох и сощурила глаза в театральном приступе боли.

«Но для чего заключать союз втайне, если этот брак должен быть делом невероятной государственной важности? Зачем прятаться под фальшивым именем? Только потому, что кто-то тебя поджидает».

Такой вариант уже приходил мне в голову, но ожидать наемного убийцу – не равно ожидать меня.

«Те, кто тебя нанял, хотят удостовериться, что мира не будет, – настаивала *Она*. – Они хотят войны. Убить его, когда пересечете границу? Не нужно много ума, чтобы это понять».

Поэтому я уже обо всем догадалась. Но он все равно умрет. Война пойдет на пользу моему делу.

«Но это же Лео Виллиус. Ты сама говорила, что он единственный порядочный человек во всем...»

Сквозь вялую жару прокатился отдаленный раскат грома, и Джонус впервые вылез из своего угла, чтобы посмотреть в окно. На горизонте росло облако клубящейся пыли.

– Что это? – голос Ливии дрогнул.

– Лошади, – ответил Джонус. – Много лошадей.

– На нас напали? Надо бежать?

Джонус посмотрел на нее, избегая моего взгляда.

– Не напали. Левантийцы. Я слышал, у них где-то здесь лагерь.

Я выглянула в окно и еще раз проверила ножи, просто на всякий случай. Лорд Иллус стоял в тени передней кареты, скрестив руки на груди. Приблизившись, облако пыли замедлилось, до нас доносился только стук копыт. То, что издали выглядело нашествием муравьев, превратилось в одетых в кожу всадников с бронзовыми лицами и так коротко стриженными волосами, что их головы напоминали потный бархат лошадиных шкур. У каждого имелась пара сабель, зазубренный нож и абсолютно непроницаемое выражение лица.

Из пыльного облака выехал вперед человек, высокий и грациозный, как и его лошадь – сплошь упругие мускулы и стремительность. Не отпуская поводья, он поднял кулаки, будто салютуя лорду Иллусу.

– Гидеон э’Торин, – сказал он и, с легкостью развернув лошадь, указал на своих спутников, всего человек двадцать-тридцать. – Первые Клинки Торин будут защитить.

Когда он повернулся, на затылке стал ясно виден коричневый символ. Я слышала рассказы, что они держат в подчинении мальчишек и клеймят их, как лошадей, а девочек клеймят, выдавая замуж, чтобы те не сбежали, а еще слышала, что этих людей изгнали за дела слишком варварские даже для варваров. Но хотя их кожа выглядела грубой, как шрам, краска была яркой.

– Вы опоздали, – сказал лорд Иллус. – Вы заставили нас ждать.

– Теперь готовы.

Лорд Иллус что-то проворчал, и пусть я не слышала слов, это точно была какая-то грубость.

– Его светлость желает ехать дальше, – сказал он, возвращаясь в карету. – И быстро. Так что поехали.

– Поехали, да. Быстро, да. – Человек, назвавшийся Гидеоном э’Торином, являл собой образец спокойной выдержки, а каждое его слово было горделивой попыткой покорить чужой язык. Еще раз отсалютовал лорду Иллусу, он обратился к своим людям на беглой и неожиданно элегантной тарбарщине.

– Какие огромные кони, – выдохнула Ливия. – Как они вообще на них забираются?

– Они и сами не маленькие.

Карета снова пришла в движение, левантийцы выстроились вокруг нас почетным караулом, и мы продолжили путь к границе. Как будто ситуация могла усложниться еще сильнее.

Когда мы остановились у ворот Тяна, уже опустилась ночь. В этом кисианском приграничном городе было больше проезжих торговцев, чем горожан, и, если судить по числу стражников, еще больше солдат.

Лорд Иллус вышел из кареты и вступил в оживленную беседу с двумя пограничными стражами при свете огня надвратной башни. Были отданы и возвращены обратно какие-то бумаги, после чего беседа продолжилась. Стражники указали на левантийцев, затем на нашу карету, и мое сердце бешено застучало. Я очень давно не ездила в Кисию по делам и не задумывалась о документах.

Рядом с лордом Иллусом появился дворецкий и о чем-то быстро заговорил. Наконец, стражники кивнули. Были переданы еще бумаги, поставлены печати. Дворецкий улыбнулся, но стражи остались серьезными, фонари над их головами отбрасывали длинные тени.

Лорд Иллус поклонился на кисианский манер и забрался обратно в первую карету. Дворецкий остался на месте, пока появившаяся из тени группа стражей занималась проверкой. Открывались сундуки. Осматривались колеса. Даже левантийцам пришлось сидеть смирно, пока ощупывали их седельные сумки. Потом кисианец остановился у нашей кареты и открыл дверцу. Внутри пролился свет фонаря.

– Баулы, – свирепо пролаял он, будто отдавал приказы арестантам.

Большая часть нашего багажа находилась на крыше, но у Ливии при себе была маленькая сумка, и она протянула ее дрожащими руками. Стражник выхватил ее, открыл и вывалил содержимое – какие-то сушеные фрукты, пудру, пачку писем и небольшой швейный набор – прямо на пыльный пол кареты. Потянувшись за письмами, он бросил сумку поверх этой кучи.

– Ой, нет, это просто...

Ливия съежилась под хмурым взглядом стража.

Он отдал письма кому-то невидимому за своей спиной и ткнул пальцем в меня.

– Ты. Вытяни руки.

Я повиновалась и растопырила пальцы, показывая, что на мне нет никакого клейма. Джонус сделал то же самое, и, окинув карету недобрым взглядом, страж захлопнул дверь. Ливия испустила дрожащий вздох в темноте.

По всей видимости, в письмах не содержался план свержения императора, поскольку через несколько минут карета пришла в движение, оставив мрачные взоры стражей позади. Несмотря на то что многие приграничные жители были смешанного, кисианско-чилтейского происхождения, императорская армия не могла небрежно относиться к набору рекрутов. Каждый солдат представлял империю, и, чтобы носить императорского дракона, в его жилах должна течь чистейшая кисианская кровь. Хотя, когда я впервые пересекала границу, с такой же гордостью носили щуку Отако.

В город кареты въехали без происшествий. Джонус дремал в углу, словно ничего не изменилось, но за окном все выглядело не так. Другие звуки, даже другие цвета. Гирлянды бумажных фонариков, протянутые над дорогой, выступающие над узкими улочками резные карнизы крыш, и повсюду флаги Ц'ая, будто предупреждение.

– Как красиво, – восторженно прошептала Ливия. – Эти резные завитушки на ставнях... Почему у нас в Женеве нет ничего подобного?

– Потому что так делают кисианцы.

– Что?

По движению я поняла, что она повернулась и смотрит на меня, но я лишь пожала плечами, не отворачиваясь от окна. Снаружи простые кисианцы заканчивали в угасающем свете дня свои дела, из чайных и домов гейш уже доносилась музыка. У каждой встречной гостиницы я ожидала, что карета остановится, но, хотя мы и замедляли ход из-за толпы на улицах, тем не менее продолжали ехать. Шелковые одеяния сменились шерстяными, камень – глиной и соломой. Затем осталась лишь тьма, мы оставили Тян позади.

– Думаю, мы не станем останавливаться, – сказала Ливия, устраиваясь на сиденье. – Может, он переночует у какого-нибудь лорда за городом.

Я оставила свой пессимизм при себе.

Мы неслись в столицу по Ивовой дороге, слабый лунный свет падал на бритые головы всадников, их кожаную одежду и парные изогнутые клинки на бедрах. Несомненно, Лео Виллиус вез бумаги, подписанные самим императором, но все же меня поразила та легкость, с которой границу пересекли вооруженные до зубов варвары. Вероятно, все было устроено заранее. Доминус Виллиус полагал, что безопаснее иметь дело с теми, кого можно купить, чем погибнуть от рук своих же людей.

К несчастью для доминуса Лео Виллиуса, никто ни разу не взглянул на горничную.

* * *

Остаток ночи я продремала, но проснулась совершенно не отдохнувшей. Ни одна лошадь не пала между оглоблями, значит, мы, надо полагать, останавливались и поменяли лошадей.

Облизнув пересохшие губы, я спросила:

– Где мы?

– На дороге в Кой, – отозвался Джонус.

– Кой? – я сморгнула остатки сна. – Но это же не столица.

– Да, но там император Кин вновь приносит присягу на служение своему народу. Он каждый год это делает.

– В самом деле? – спросила Ливия. – Я не знала, что он так самоотвержен.

– Он же император, – усмехнулась я. – И неважно, сколько слов слетит с его губ, он отнюдь не самоотвержен. Это просто красивое представление.

Мне никто не ответил, и я переключилась на разглядывание пейзажа. Плоские равнины южного Чилтея исчезли, сменившись на пологие холмы и далекие очертания крутых скалистых хребтов. Все плотнее к дороге подступали деревья, и, хотя между их стволами пробивались лучи рассвета, утро становилось темнее по мере того, как мы углублялись в лес. Что ж, граница пройдена, теперь мне нужна лишь возможность.

«Или можно отступить, пусть все идет своим чередом».

Я скрестила на груди руки и приготовилась к спору.

Что-то сильно ударило о стенку кареты, и непрочное дерево расколосось, обнажив наконечник стрелы. Ливия закричала. Визг снаружи прозвучал эхом ее испуга, в бок кареты вломилась лошадь, а за ней и всадник. Раздался хруст. И вопль. Левантийский воин пал среди бури криков и грохота копыт. Полдюжины трупов снаружи завели свою песнь искушения, а Ливия жалобно всхлипнула.

– Что такое тут происходит? – Джонус отпихнул меня от окошка. – Кто...

Экипаж замедлил ход, а потом рванул вперед так, что мы повалились с сидений, и до наших ушей донеслись громкие проклятия кучера.

Еще больше мертвых принялись за свои песнопения.

– Кисианцы! – объявил Джонус. – Они...

Экипаж понесся под шквалом криков и градом осколков. Мы, запертые внутри, покатались с ним, и удары колотили нас, как пьяный матрос, до тех пор, пока с последним тяжелым стуком наша карета не превратилась в сумрачную и заполненную пылью могилу.

На один оглушающий миг в этом мире не осталось ничего, кроме Ливии, залитой кровью и пронзенной обломками крыши. Переломанная опора проткнула ей низ живота, но умерла она, скорее всего, от глубокого пореза, снесшего половину шеи и открывшего голую кость среди порванной плоти. И после смерти она взывала ко мне громче, чем при жизни, пела ту же надрывную песнь, что и остальные.

Лицо Джонуса забрызгало кровью, однако, судя по тому, как он дернулся, кровь была не его. При виде Ливии его вырвало, он всем весом навалился на разбитую стенку кареты, проломил ее и свалился в подлесок, усеянный обломками. Не оглядываясь, Джонус скрючился пополам, изо рта полилась рвота.

– Идиот, – прошипела я, вытягивая припрятанный на бедре нож, и еще один, из рукава.

«Не убивай его!»

– Не убью, пока не окажемся в безопасности.

Я выбралась из-под обломков и торопливо огляделась.

– Поднимайся! – велела я Джонусу, глядя дальше, вверх кареты. Одно колесо медленно продолжало вращаться, сквозь него я видела усеянную смертью дорогу. Стрелы сыпались среди дикой пляски лошадей, и, хотя врагов с алыми поясами было больше, левантийские воины дрались яростно и рубили их как снопы. Невозможно было понять, побеждает ли превосходство в силе или в числе, но в любом случае кисианцы, похоже, позаботились о доминусе Виллиусе за меня. В самом центре бури, накренившись вперед, посреди дороги стояла другая карета с мертвыми лошадьми между оглоблями.

Пора было выбирать.

Я склонилась над едва переведшим дыхание Джонусом.

– Как мне кажется, наилучший план – бежать.

– По ту сторону дороги за деревьями – лучники.

– Значит, нужно перебраться и попробовать спрятаться где-то выше по склону. Ты идешь?

Он взглянул на мои ножи и кивнул.

Одарив его мрачной улыбкой, я метнулась из-под укрытия разбитой кареты и бросилась в бой. Он обрушился на меня симфонией разрушения – грохотали копыта, вопили раненые, лязг клинков и треск разрываемой плоти заглушали вездесущую песню мертвых. На меня набросился потерявший коня кисианец, я пригнулась, уворачиваясь от удара, полоснула его по ноге сзади. Я не оглянулась на резкий вопль, чтобы посмотреть, не хромает ли за мной солдат, и с колотящимся сердцем углубилась в этот хаос. Впереди показался просвет, и я рванула туда, но сейчас же остановилась, когда путь мне перерезал большой чалый конь. Ярко-синие, горящие огнем битвы глаза молодого всадника составляли странный контраст с его алым плащом. Всадник что-то выкрикнул, я повернула назад и налетела на Джонуса. Рядом с ним свалился с седла еще один левантиец – нет, еще одна. Женщина грохнулась на дорогу, ее кости хрустнули, как и у любого мужчины.

– Эй, ты! – Ко мне прорывался лорд Иллус, а с ним рядом и доминус Лео Виллиус. Оба были вооружены, Иллус клинком, а Виллиус – булавой, похожей на жезл священника. Оба были залиты кровью. – Помогай, защищай нас.

Иллус знал, кто я.

– Нужно выбраться с дороги, – сказала я, указывая на лес. – Пробивайте путь. Я прикрою тыл.

Он согласно рявкнул в ответ и двинулся дальше, отбил удар клинка встречного кисианца, рубанул по ногам очередной лошади. Доминус Виллиус протиснулся мимо меня.

– Эй! – окликнула его я. – Держись рядом, не то получишь... да плевать, мне без разницы!

Я последовала за ним и уже собралась вонзить нож сзади в ногу кисианского солдата, но доминус Виллиус размозжил ему череп одним ударом и не оглядываясь двинулся дальше. Может, конечно, он и сидел в грязи, благословляя бедных, только это Божье дитя пробивало дорогу куда более умело, чем негнущаяся фигура лорда Иллуса впереди. А когда откуда ни возьмись появился клинок, замахнувшийся, чтобы разрубить ему глотку, доминус Виллиус показал и другой талант. Он легко уклонился, как будто предвидел удар. Танцуя, он шел через неразбериху боя, словно между струй дождя, оставаясь сухим. За его спиной и я была неуязвима.

– Быстро! – Лорд Иллус оглянулся и окликнул нас, приближаясь к краю дороги.

Доминус Виллиус промедлил, и из гущи схватки ему в затылок полетело копьё. Молодой священнослужитель пригнулся, и копьё с тошнотворным хрустом ломающихся ребер вонзилось в грудь лорда Иллуса. На мгновение Божье дитя застыл от потрясения, но когда к зову смерти присоединился еще один голос, я толкнула его вперед.

От обочины склон поднимался к густым зарослям с редкими скальными выступами. Доминус Виллиус полез наверх, оглянувшись, лишь когда позади крикнул что-то на своей тарбаршине левантиец. Его клич эхом распространялся среди оставшихся всадников.

– Что они...

Левантийцы отступали, но вопросы задавать было некогда. Я толкнула доминуса Виллиуса в спину.

– Лезь наверх! – приказала я, помогая ему подняться, когда он потерял равновесие среди густого подлеска. – Ну, давай!

Я спешила за ним, то бежала, то карабкалась по отвесному, оплетенному зеленью склону и прислушивалась, ожидая погони. Но за нами взбирался только отставший Джонус, проди-

рался сквозь кусты, стараясь догнать. Он споткнулся, вскрикнул, упал, и я оглянулась, почти ничего не видя.

– Вставай!

Он поднялся на ноги и тут же завалился вперед под ударом прилетевшей непонятно откуда стрелы.

– Нет! – Это слово сорвалось с моих губ, но я его не произносила. Мои ноги скользили по склону вниз, хотя я пыталась остановиться. – Джонус! Нет!

«Уходи, идиотка! – кричала я, пытаюсь вернуть контроль над собой, но меня захлестнула паника. – Он уже мертв! Беги!»

Но *Она* не бежала, а катилась по склону. Ее взгляд остановился на упавшем теле, словно больше ничто значения не имело. Джонус не шевелился. Не кричал. Он лежал лицом вниз в траве, по одежде расплылась кровь. Оставалась еще надежда, горячая, словно летнее солнце, но когда *Она* бросила меня перед ним на колени, я услышала тихий шепот, вздох смерти. Джонус тоже пел с той стороны.

– Нет, нет, нет! – *Она* с криком перевернула его, охватила ладонями бледное лицо. – Ты не можешь, нет...

Все вокруг внезапно опять стало четким. Отсыревшая земля под моими ногами. Отяжелевшая голова Джонуса у меня в руках. Крики. Звук тяжелых шагов.

Я выпустила из рук его голову и бросилась прочь. Лес вокруг меня кружился. Задыхаясь, чувствуя подступающую тошноту, я упала, но тащилась вперед, цепляясь за поросль папоротника. Сумрак позади взорвался криками ужаса, и я рискнула обернуться. Джонус встал, из его спины торчала стрела. Но он умер. Я же слышала его песню.

– Это невозможно, – произнес доминус Лео Виллиус, он пытался спрятаться чуть дальше вверх по холму.

Место было выбрано удачно, за краем большой скалы, но когда за нами придут кисианцы, там ему не спастись. Я должна его вытащить, оставив им труп, но никак не могла отвести взгляд от Джонуса.

– Как вы смеете пытаться меня убить! – прокричал широко раскинувший руки мертвец, возвышая голос к шатру из сплетенных веток. – Я доминус Лео Виллиус из Чилтея, почтенный служитель Единственного истинного Бога.

Позади меня сдавленно ахнул настоящий Лео Виллиус. Тело Джонуса двинулось вниз с холма, к приближающимся кисианцам.

– Бог вдохнул в меня жизнь, и ее не сможет отнять ни одна рука, лишь его, – продолжал кричать он, и еще две стрелы пробили грудь мертвеца.

От удара с близкого расстояния он на миг потерял равновесие, но тут же выпрямился.

– Что это такое? – выдохнул Лео Виллиус.

– Я не знаю, – сказала я, – но он отвлек их внимание. Мы должны идти.

Пригнувшись, я побежала по склону, доминус Виллиус за мной, мы карабкались вверх, к хребту. Задыхаясь, мы добрались до поросшей мхом голой скалы, и никто нас не преследовал. А внизу, не сгибаясь, Джонус так и стоял перед человеком с яростным взглядом, и все мертвое тело было утыкано стрелами, как подушка для иголок.

Она не сказала ни слова – ни когда доминус Виллиус скрючился, укрываясь в подлеске рядом со мной, ни когда кисианцы схватили Джонуса и потащили – он по-прежнему сопротивлялся, повторяя, что он Божье дитя.

– Я никак не смогла бы его спасти, – произнесла я, обращаясь скорее к *Ней*, чем к молодому мужчине рядом со мной.

– Не смогла бы, – согласился Лео Виллиус. – Но спасибо за то, что спасла меня.

От *Нее* по-прежнему ничего. Тишина.

Я лишь хмыкнула в ответ Божьему чаду. Они взяли Джонуса, но не все кирианцы вернулись к своим лошадям. Часть из них подбирала останки на поле битвы, а другие собрались перед синеглазым воином и кланялись, слушая приказания. Он указывал вверх на склон, в нашу сторону.

К нам двинулись четверо кирианцев.

– Нет, пока ты еще не спасен, – сказала я. – Я так думаю, им мало одного мертвого тела. Если хочешь выжить, надо двигаться дальше. Идем.

В ушах отдавался топот наших шагов, колотилось о ребра сердце, но в моей голове стояла жуткая тишина.

«Эй, – сказала я. – Эй, ты здесь?»

Глава 7

Мико

Моя стрела вонзилась во внешний круг, как я и планировала. Теперь вся мишень была ровно утыкана стрелами, напоминая ежа. Я размещала стрелы в идеальном порядке и приказала мальчишке из кузницы вытащить все, которые легли не туда, куда я хотела. Я достала еще одну стрелу из бочонка, натянула тетиву и отпустила. Стрела вошла в правую сторону мишени, но не точно в то место, куда я метила.

– Убрать! – крикнула я, и мальчишка помчался к мишени, просунул руки сквозь лес древков и перьев и выдернул стрелу.

А перед обедом ему приходилось вытаскивать стрелу почти каждый раз.

Мальчишка из кузницы еще не успел закончить, а я уже вытащила новую стрелу и приложила ее к тетиве. Капитан Хан предупреждающе хмыкнул. Я притворилась, будто не слышала, и через секунду после того, как мальчик отпрянул, новая стрела вошла в мишень с такой силой, что та качнулась на треноге.

– Убрать!

– Вы становитесь слишком небрежны, ваше высочество, – по-стариковски проворчал капитан. – Пора остановиться.

– Я сама решу, когда пора остановиться, капитан, – ответила я, вынимая другую стрелу, пока мальчишка выдергивал последнюю.

Его явно разморило на солнце. Оно только что начало садиться.

Один день. Прошел ровно один день после отъезда Танаки, и до сих пор ни словечка, ни единого намека, только бесконечный поток вопросов. Вчера вечером меня вызвала к себе матушка. А потом канцлер. Затем снова матушка. Если бы императорский совет, правящий империей, заседал в замке Кой, а не в Мейляне, меня, несомненно, вызвали бы министрылевой и Правой руки и все советники его величества. Лишь отсутствие императора Кина спасло меня от неминуемой встречи с ним.

Я вытащила из бочонка новую стрелу. Осталось только четыре, и, хотя капитану Хану следовало бы принести новые, он не стал этого делать. Лишь терпеливо стоял в угасающем свете, сложив руки за спиной. Ветра не было, и его плащ обвис, скрыв меч на поясе и кинжал у другого бедра, которые носили все императорские гвардейцы.

Стрела с гулким стуком вошла точно в нужное место, и я громко выдохнула. Еще одна причина для капитана меня отчитать. Не глядя в его сторону, я взяла еще одну стрелу.

– Принесите новые стрелы, капитан.

Он вздохнул.

– Хорошо, ваше высочество. И факелы зажечь?

– Было бы неплохо, – согласилась я. – Если вы не хотите, чтобы стрела попала вам в руку.

– Спасибо за заботу о моей руке, ваше высочество.

Он прокричал, чтобы принесли стрелы, а я выпустила новую вслед остальным. Она вошла в завитки каната, точно куда я целилась, но я не показала свою радость, а схватила предпоследнюю и приложила к тетиве.

– Достаточно.

Я не повернулась на новый голос, а выстрелила и сказала:

– Я почти закончила, генерал, сами видите.

Я заметила его боковым зрением – тени среди других удлинившихся теней. Он схватил меня за руку и разжал мою ладонь, чтобы осмотреть пальцы. Они давным-давно огрубели от мозолей, но когда генерал Рёдзи провел по ним собственными шершавыми пальцами, я невольно охнула.

– Если будете продолжать в том же духе, останетесь без пальцев, ваше высочество. Больше никаких новых стрел.

Я выдернула руку.

– Тогда я воспользуюсь старыми.

– Она весь день этим занимается, генерал, – пожаловался капитан. – Мы пытались ее переубедить, но...

– Проще убедить упрямого осла. Благодарю, капитан, вы можете идти.

Я взяла из бочонка последнюю стрелу.

– Могу выпустить ее в вас, генерал.

– Да, можете.

– Где вы были целый день?

Генерал Рёдзи поднял брови.

– Выполнил свой долг, ваше высочество. Я присматриваю за вашими тренировками, но это не главная моя задача.

– Конечно, ваша задача – охранять его величество. Но вы не поехали вместе с ним в Насаке. Почему?

– Слишком много враждебных вопросов за раз. У вас тоже неприятности, ваше высочество?

Мои щеки покраснели, и я отвернулась, воспользовавшись моментом слабости, чтобы посмотреть, не подглядывают ли за нами. Четыре гвардейца и горничная, а кузнец притих, пока его подмастерье закрывал кузницу на ночь.

– Неприятности? – повторила я. – Не знаю. А что, должны быть?

– А еще мой долг – охранять членов семьи его величества. Именно таков был его приказ.

– Потому что его величество вам не доверяет. – Последняя стрела так и торчала у меня в пальцах, приложенная к луку, который я уже опустила. – Потому что вы – марионетка моей матери.

Генерал нахмурился, на его лицо легла тень.

– Это серьезное обвинение, ваше высочество.

– Потому что правда – это серьезно.

– И когда она выходит наружу, это влечет за собой серьезные последствия.

На некоторое время повисла тишина, мы просто смотрели друг на друга поверх пустого бочонка для стрел. Генерал Рёдзи не выдержал первым:

– Если его величество мне не доверяет, то почему, по-вашему, я до сих пор во главе императорской гвардии?

– На его месте я бы вас оставила. И велела бы человеку, которому я доверяю больше, за вами присматривать. А еще кто-то будет присматривать за этим человеком.

– Пока каждый гвардеец императора, вплоть до мальчишек на побегушках, не будет напрямую докладывать императору?

– О нет, я бы не стала лично этим заниматься. Этим бы занимался кто-то другой, чтобы вы по-прежнему считали, будто я вам доверяю. Разве что я не хочу, чтобы вы так считали, тогда я оставила бы вас в стороне и поручила ваши обязанности кому-нибудь вроде... капитана Ласселя. Он ведь поехал с императором, да?

Похоже, генералу Рёдзи стоило определенных усилий сохранить бесстрастное выражение лица, его мышцы дернулись.

– Вот вы-то точно родились на нужном месте, ваше высочество, можете быть уверены, – сказал он. – Только вам следовало родиться мальчиком.

– Мне уже столько раз это говорили, но если брать в качестве образчика Танаку, то мальчики глуповаты.

Это вызвало у него улыбку.

– В определенном возрасте – да, очень часто. В особенности мальчишки вроде Танаки, которым никогда не давали возможности расправить крылья и полететь. Кстати, где он?

Вопрос был задан тем же мягким тоном, но глаза изучали меня безо всякого почтения. Я могла бы ему на это попенять, но пусть мне и ненавистно мое бессилие во многих делах, оно не делает меня слепой. Генерал Хаде Рёдзи – один из немногих моих союзников. Или я считаю его таковым. Он никогда не давал повода в этом усомниться.

– Не знаю, – сказала я. – Я отвечаю так всем, кто спрашивает, и это правда. Я не знаю, где мой брат, чем занимается и когда намерен вернуться, если вообще вернется. Может, он решил попытать счастья в другом месте и сбежал.

– Совсем на него не похоже.

– Да, но, может быть, вы просто плохо нас знаете?

– Лучше, чем многие.

У передних ворот прозвенел далекий гонг, раскатившись эхом по лабиринту замковых укреплений. Звук подхватили еще два гонга, они снова и снова отбивали один и тот же ритм из коротких и длинных ударов, пока, наконец, к ним не присоединились и крики, разрастающиеся словно гроза.

Прибывал император.

Генерал Рёдзи забрал из моей руки лук.

– Лучше, чтобы вас здесь не увидели, ваше высочество.

– Почему? Потому что Катаси Отако был не только моим отцом, но и великолепным лучником?

Мне не следовало так говорить, но я весь день чувствовала, как сжимаются стены моей тюрьмы, и теперь мне необходимо было знать, одна ли я.

Генерал напустился на меня, перекрикивая трезвон гонга:

– Если вы не будете осторожны хотя бы в высказываниях, то станете похожей на брата. Катаси Отако был предателем, который сжег дотла Симай, не стоит даже упоминать это имя, не говоря уже о том, чтобы называться им.

– Это все глупости, вы сами прекрасно знаете, – прошептала я. – Как знаете и то, что сидящий на троне человек желает нам смерти.

Он окаменел.

– Вы правы только наполовину, но я все равно не стану об этом говорить.

– Генерал, – торопливо прошептала я, пока вокруг нарастала суета. – Грядет буря, и, если я хочу уцелеть, мне нужно знать, с чем предстоит столкнуться. Нужно знать, кому я могу довериться. Если я ошибаюсь, считая вас своим другом, который будет меня защищать, скажите об этом. Скажите, придется ли мне вырвать вас из сердца.

– Самая лучшая защита – тщательно выбирать, что говорить и кому. А сейчас позвольте мне проводить вас в ваши покои.

Его слова прозвучали как пощечина, и я сжала кулаки от досады.

– Нет, генерал, я останусь и поприветствую своего отца, императора. А вас я отпускаю, можете сбежать, если пожелаете.

Прежде чем он успел ответить, я пошла к замку, подозвав Чичи, которая побежала за мной, а из открытых дверей высыпала целая армия слуг с приветственными фонарями в руках. Те, кто заметил меня посреди суматохи, останавливались и кланялись, создавая эффект волны, когда и остальные вслед за ними замирали на полпути, чтобы выказать свое почтение. И хотя я их отвлекла, они все же выстроились в два аккуратных ряда, протянувшихся через широкий двор – от внешних ворот к дверям замка. В дверях стоял канцлер Нобу из Коя, и последние лучи солнца позолотили его седеющие волосы. Я встала рядом с ним, понимая, что одета в промокший от пота костюм для тренировки и нарукавники.

– Ваше высочество, – поприветствовал меня он с выверенным поклоном, достаточно низким, но не более.

– Канцлер.

Застучали копыта, и в арке появилась императорская процессия. Многие аристократы путешествуют с плотным эскортом из вооруженных гвардейцев, чтобы к ним никто не приближался, но император Кисии Кин Ц'ай, он же солдат-император, он же Простолоудин, он же Узурпатор, ехал во главе кавалькады, его огромный вороной жеребец почти сливался с вечерними сумерками.

Великолепный алый плащ струился с плеч императора, гордо парили вытканые золотыми нитями драконы Ц'ая. Он сидел с горделивой и прямой осанкой, как настоящий воин, с мечом у бедра, но даже ночь не скрывала его изуродованных черт и шрамов, а перчатка сморщилась в тех местах, где отсутствовали пальцы. Наверное, когда-то он был привлекателен (так говорили), но теперь от этого не осталось и следа.

Чиркнув копытами по камню, Року остановился, и слуги все как один поклонились, опустив фонари до земли.

– С возвращением домой, ваше величество, – сказал канцлер Нобу, не сдвинувшись с нижней ступени, и тоже поклонился так низко, насколько позволяла его больная спина. Я последовала его примеру. Чичи села рядом со мной, обмахивая хвостом ступеньку.

Император Кин спешил без посторонней помощи, но и без изящества. На земле его ловкость исчезла окончательно, и хотя он шел к нам все с такой же прямой спиной, его явно покачивало. Он миновал шеренгу согнувшихся пополам слуг, не удостоив их взглядом, а идущие следом за ним высокие и статные гвардейцы лишь подчеркивали его немощность. Только когда он обратился к канцлеру, зычный голос резко отличался от хрупкой фигуры.

– Я буду ужинать в одиночестве, – сказал он, и каждое слово звучало как приказ. – Немедленно принесите в мои покои корреспонденцию. Сообщите о моем возвращении императрице. Я увижусь с ней завтра.

Его единственный глаз остановился на мне лишь на мгновение, уделив не больше внимания, чем всем остальным. Ни кивка, ни улыбки, ни малюсенького наклона головы. Только секундный взгляд, да и то, возможно, и его я вообразила. И все же, проходя мимо нас в замок, император сбросил перчатку и потрепал Чичи по голове скрюченной трехпалой ладонью, пересеченной шрамами. И удалился, оставив после себя лишь запах благовоний, пота и лошадиной шкуры.

* * *

Я поужинала в одиночестве, Чичи лежала у порога, как бледное, покрытое мхом бревно. Эдо встречался с отцом, Танака уехал, и теперь здесь стало совсем тихо, хотя когда-то было полно болтовни и смеха, деревянных лошадок, деревянных мечей и вездесущих соглядатаев. Няни, горничные, учителя, гвардейцы – и матушка, и император всегда проявляли усиленный интерес к нашим успехам и занятиям. А летом мы наряжались в лучшую одежду и представляли перед двором, когда император в очередной раз приносил присягу. Каждый год приходило посмотреть все больше народа, все глазели, указывали на Танаку и перешептывались, стреляя взглядами с императора на императрицу, и губы зевак складывались в понимающие улыбки.

Я ковырялась в тарелке – в таком взвинченном состоянии я едва могла прожевать пару ложек черного риса и сделать несколько глотков чая. Глупо было просить у Рёдзи заверений в преданности, но что сделано, того не воротишь, как бы я ни суежилась. Теперь я чувствовала себя еще более одинокой и уязвимой. Слишком часто имя генерала Рёдзи шептали вместе с именем моей матери, и я не сомневалась, что он передаст мои слова скорее ей, чем императору Кину, хотя это не особенно утешало.

Лишь успокаивающее присутствие Чичи у моих ног позволило мне наконец-то лечь и заснуть.

Через некоторое время я резко проснулась и открыла сонные глаза – кто-то тряс меня за плечо. Я прищурилась и различила рядом свою горничную с растрепанными волосами.

– Ваше высочество, – сказала Инь, не переставая меня трясти. – Ваше высочество, вставайте. Ее величество требует вас к себе.

– Зачем? Что случилось?

Горничная покачала головой, и волосы прилипли к ее губам.

– Не знаю, ваше высочество, но меня послали вас разбудить.

Она посмотрела на Чичи – собака была настороже, но замерла. Если бы вместо Инь прислали кого-нибудь другого, меня бы разбудило рычание.

– Тогда принеси платье.

Инь снова покачала головой.

– Нет времени, ваше высочество, вы не должны терять ни минуты, об этом мне отдали отдельный приказ. Вот, я принесла ваш халат.

– Я не могу явиться к матушке в халате!

Инь так энергично затрясла головой, что та едва не оторвалась.

– Нет времени, ваше высочество.

Усталость мигом улетучилась, сменившись тревогой.

– В чем дело? Это... Это Танака?

– Я не знаю, ваше высочество. – Она засуетилась вокруг в поисках пояса-оби к халату и возликовала, когда его нашла. Ее тростниковые сандалии тихо прощуршали по циновке к двери. – Идемте, ваше высочество.

– Да-да, уже иду.

Я накинула халат, а Инь тем временем расчесала мне волосы, потом мы вышли в коридор, где мерцали похожие на светлячков фонари. В чем бы ни была причина срочного вызова, паника не распространилась на остальную часть замка, он был погружен в тишину. Лишь императорские гвардейцы стояли на посту – двое у входа в императорское крыло и еще пара перед дверью матушки, одним из них был капитан Хан. Он кивнул мне, но ни словом не нарушил тишину, лишь зашуршала дверь на отделанных фетром полозьях.

Гостиная матушки пустовала, но за бумажной ширмой, отделяющей ее спальню, горел свет, и горничная отправила меня туда нетерпеливым взмахом руки. Раздвинулась еще одна дверь, и с циновки для сна на меня посмотрела матушка. Я ожидала, что она будет одна, и замерла на пороге – от открывшейся сцены у меня все внутри перевернулось. Рядом с матушкой стоял на коленях лекарь Кендзи, его поредевшие седые волосы напоминали горную вершину ранней весной. Один его ученик смешивал травяной настой, а другой зажигал целительные благовония, хотя воздух уже был наполнен ароматами. Сам же лекарь втыкал матушке в руку вереницу иголок, из-под каждой тонкими ниточками струился ручеек крови, собираясь в широкий плоский горшок внизу. Побледневшая матушка лежала, опираясь на стопку вышитых подушек.

– Оставьте меня наедине с дочерью, – сказала она, и в голосе не было привычной твердости.

– Но, ваше величество...

– Я протяну без вашей помощи пару минут, которые мне нужны, господин Кендзи.

Пожилый лекарь криво улыбнулся и мотнул головой на иглы.

– Не трогайте их. Я вернусь через пять минут. Не больше.

– Я не лишу вас удовольствия, умерев без вас, старый осел.

Один из учеников вытаращился на императрицу, и лекарь дал ему подзатыльник. Все трое раскланялись и вышли, закрыв за собой дверь.

– Матушка! – воскликнула я, шагнув вперед. – Вы заболели? Что случилось?

Она приподнялась, вся в дыму от целебных благовоний, и белокурые волосы рассыпались по плечам.

– Что случилось? – Ее глаза блеснули. – До меня дошли слухи, которые мне не нравятся, Мико. Слухи, которые ставят нас всех в очень опасное положение. Твоя преданность брату восхищает, но если он и в самом деле ускакал на север и напал на доминуса Лео Виллиуса, когда тот пересек границу, ты должна мне сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.